

Алексей МАШЕВСКИЙ

Вспоминая
настоящее

Санкт-Петербург
2020

Машевский А. Г.

М38 Вспоминая настоящее. — СПб.: «Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2020. — 312 с.

ISBN 978-5-91258-441-1

В оформлении книги использованы рисунки
Владимира Паршикова.

Автор выражает благодарность за помощь
в подготовке книги Ростиславу Домжо, Владимиру Паршикову
и всем друзьям, финансово поддержавшим это издание.

Молодость

В МЕТРО

Так оседает размокшая глина:
Желтыми комьями, медленно, длинно
Тянется оползень в черный овраг...
Вновь я стою на ребристой ступени,
Вновь надо мной полукруглые тени,
Снова опущен заветный пятак.
Раннее утро. Еще не успели
Мысли привыкнуть к какой-нибудь цели,
Мир ощущается словно извне:
Как из окна, сквозь стекло, не сливаясь.
Вижу, но в то, что все это реальность,
Я не способен поверить вполне.
Три параллели, два водопада,
Росчерк случайно упавшего взгляда
На перфоленге белеющих лиц:
Эти мальчишески тонкие шеи,
Узкие плечи, глухие шинели,
Трепет едва разлепленных ресниц.
Яркие губы, мешки под глазами,
Спутан ондатровый мех с волосами,
Смотрят испуганно в точку зрачки.
Или вот этот: вцепился в газету —
Впалые щеки землистого цвета,
Нервные руки, большие очки.
Трое, пусть четверо. Быстро, случайно...
Над остальными безлика тайна:

Мимо, все мимо, их вроде и нет.
Люди? А, может быть, марионетки.
Мечутся тени, как гибкие ветки,
И не оглянешься вслед...

1982

ИЗ ЦИКЛА «ПО ВОЛГЕ»

ВЕСНА В ЦПКО

ЦПКО: нанизаны пруды,
Как бусины, на ниточку канала,
И черный шелк поверхности воды,
И яркий отблеск весельного жала,
И капли брызг, и тени за бортом,
И змеи отражающихся кленов...
Как хорошо, в согласии простом
Воды, руки, весла, ветвей зеленых
Найти себя. Весенний чистый сад
Еще не загустел в тяжелых кронах лета,
Еще совсем прозрачные стоят
Березы, тополя, еще так много света,
Так много радости и мало тишины,
И сумрака аллея, и придорожной пыли.
Вдоль нашей лодки с правой стороны
Два торопливых селезня проплыли, —
У них дела. На желтый воротник
Моей рубашки бабочка садиться.
Как хорошо, что можно хоть на миг
Весной, листвою и жизнью заслониться!

1982

КАЗАНЬ

Странное чувство: вокруг только желтая пыль,
Только черные женские платья, и солнце палит,
Только старый татарин упрямо волочит костыль
Через душную степь размягченных асфальтовых плит,
А в душе... не понять, оттого ли, что близко к реке
Белый каменный кремль или просто то ветра каприз,
Семиярусной башней красавицы Сююмбике
Вырастает надежда и также срывается вниз.
Шумный город, чужой, непонятный, запретный улус.
Я боюсь своей жажды и, садясь в закопченный трамвай,
Не могу успокоиться, с грустью себе признаюсь,
Что сказать «до свиданья» страшнее любого «прощай».

1982

КУЙБЫШЕВ

Город, словно пропойца, промотавший наследство свое —
Без нарядных церквей — только черный паучий костел,
Только голые площади, стены, конторы, жильё.
Неостывшая память неуместной тут кажется. Скол
Прежней жизни мутнеет — скорее забыть, опьянеть
И утешиться. Чем? — Обещаньем грядущих высот.
Вот небритый мужик, добирая последнюю медь,
Из стакана граненого бурую жижу сосет.

Как болит голова! Все бредешь через душный квартал.
Хоть бы дождь исказил эту блеклую скуку небес!
Я сегодня с утра вспоминать о тебе перестал
И не умер еще, и еще до сих пор не воскрес.

1982

ЧЕБОКСАРЫ

У речного белого вокзала
Город дремлет в странном запустенье —
Груды проржавевшего металла,
Хлипкие неровные ступени
Черного прогнувшегося настила.
Белой пылью улица одета.
Время беспощадно подкосило
Гипсовые ноги парапета.
От асфальта жалкие ошметки.
Задыхаюсь — воздух словно ватный,
Запах спелых яблок, запах водки
И еще какой-то, непонятный.
Добрести до выцветшей ограды,
За которой грядки огорода...
Помню, были мы смертельно рады,
Что сбежали от экскурсовода,
Что пошли в собор на литургию,
В тесноте стояли отрешенно,
Видели вчерашнюю Россию,
Слушали ее замороженно.
Где-то плакал маленький ребенок,
Ничего не помня в мире этом,

Щурились как будто бы спросонок,
Выходя на двор, залитый светом.
Я смотрел на глиняные кучи,
На худые горестные лица:
Если жизнь уже не сделать лучше,
Может так и надо — притвориться.

1982

* * *

Как дурная привычка,
Горьковатая эта любовь
Не проходит... Так тихо, но вдруг заскрипит половица,
Или выпадет спичка
Из пальцев обжегшихся. Вновь
Надо чайник поставить, кровать расстелить и лечь,
И лечь, и комкать подушку, и думать, и ждать,
Пока сон, облаченный в тяжелое белое платье,
Будет рядом стоять,
А потом пожалеет опять
И в последний момент осторожно раскроет объятия.

1983

УТРОМ. В ВАННОЙ

Разве можно представить себя через час или два
В лаборантском халате, у стойки с электромагнитом,
Совершенно чужим, без труда
Узнающим в лицо незнакомых и полузнакомых людей?
Зябко... Мыло в руках, неподвижно стекает вода.
Без очков в силуэте размытом,
В том — из яркого зеркала — не узнаешь себя.
Если всей
Этой плитки, сияющей кафельной злой белизною,
Этих тюбиков ломких, стаканов, теряющих вес
Не хватает... то, кто же я сам? Чьи я руки старательно мою,
Кто дурачит меня, кто незримо стоит за спиною
Или в плоть мою влез?!
Жжет на шее порез...

1983

ВЫЗДРАВЛИВАЯ

Не скрипучим снегом, спелым, мерзлым
(Каждый шаг — как яблоко, и хруст!)
Занят слух, не трепетом нервным
Проводов, не тем молоковозом...
Поздним утром город светел, пуст.
Тише, тише... Долгое вставанье.
Солнце тлеет корочкой, постель...
О, выздоровленье, как дыханье, —
Где болезнь? — Сплошное одеванье,
А наружу выйдешь — легкий хмель.
Можно снова в детство углубиться...
Что ж, к врачу? Сползает рукавица,
Не торопит выспавшийся день.
Спелый, белый, твердый день искрится,
И хрустит в кармане бюллетень.

1984

НА ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИИ

Шелест, шорох, шепот, скрипы,
Свет от окон сероватый,
Шторы — черные полипы,
Бледно-желтые плакаты,
И лицо блее ваты,
И глаза полуоткрыты.
Диссертации названье...
Речь заучено пропета.
Сон ученого совета,
Ждущего голосованья.
Трепыхается вниманье,
Вот и «Слово для ответа»...
Все... «По требованью ВАКа...
Он достоин присужденья...»
Составляется бумага.
Пожеланья, поздравления...

Как запущена, однако,
Жизнь, ее осуществленье!

1984

* * *

Видел, как розы горели, возвращенные Пестом, омыты
Влагой росы, и звезда нового утра взошла.

Децим Магн Авсоний

Под вечер кожа чувствует загар —
Горит и почему-то пахнет медом.
У здания райкома с каждым годом
Все больше роз. Среди влюбленных пар,
Среди цветов иду и мимоходом
Шепчу стихи... Как пылен тротуар!
Подумайте, — один неловкий миг
В стихах — уколешься, и ранка кровотоцит.
Я помню до сих пор, как после ночи
Поэт спускался в замерший цветник,
Следил за розами, ловил пурпурный блик.
«Есть музыка!» — пусть слушает, кто хочет.

И там, и здесь... Но кем определен
Высокий строй торжественных имен,
Кому дано? Другие не посмели
Еще при жизни видеть этот сон,
И мир для них космат, нерасчленен,
Как комната без света... Неужели?!

1984

* * *

Воздуха свободный доступ,
Но не холодно, легко, пожалуй,
Снег и лед, вцепившийся в карниз...
Как они встают на лыжи просто
(Цвет костюмов темно-синий, алый),
Как с горы соскальзывают вниз!
Дальше-дальше-дальше, пригибаясь,
Палок растопыренные крылья...
Вот и все, чего бы я хотел:
Так же вслед спускаться без усилья.
Спорта геральдическая завязь,
Илиада тел.
А ведь думал, что уже не будет
Ни штандартов, ни гербов, ни низких
Звуков рога, лая, смысла слов.
В шапках адидасовских фригийских
Аккуратно-радостные люди,
Лыжный день — Беррийский часослов.

1985

ЗНАКОМСТВО С РОДСТВЕННИКАМИ ЖЕНЫ
В ЗЕЛЕНКУМСКЕ

Жарко было в машине, и душно теперь за столом.
Известью с синькой покрашенный крепенький дом,
Дом припорошенный пылью цементной и сад,
Где-то за низким сараем истошные утки кричат.
Синие мухи, подкисший соленый арбуз,
Борщ с петушиными лапами, йодисто-рыжая соль.
Пища ложится в желудок, как кем-то предписанный груз,
Необходимый балласт: ну попробуй, откусать изволь!
Громкий хозяин с наивно разинутым ртом,
Этот юродивый Вася, который упорно молчит,
Полная женщина все отирает платком
Жирные пальцы, смеется незло инвалид.
Это теперь мои родственники... Как же так? —
Жил и не знал, что готовится новая странная связь.
Пьют, говорят: чье-то имя, какой-то пустяк
Тайны исполнены, лезут и льнут, не спросясь.
Чем мы теперь так приближены? Боже, зачем
Выпито столько? Волной поднимается стыд,
Словно кого-то надул. Очень вежливо слушаю, ем,
И недопитый стакан с мутной жидкостью рядом стоит.

1985

* * *

Орхидеи в прозрачных коробочках, те, что за три пятьдесят
Продают... Я в цветочном киоске такую едва не купил.
Замурованный дремлет цветок, неподвижно тычинки

висят —

Мотылек полуночный, последних лишившийся сил.
Кем загипнотизированный?

Там за пленкой тяжелый покой
Труднодышащих, влажных, горячих, нездешних садов
С осторожным гниением, воздух и запах такой!..
Ах, я помню ту дивную сказку про Фею Цветов
И Красавицу Спящую.

Стебель в прозрачный флакон
С желтой жидкостью вставлен, надолго растянут процесс
Умиранья волшебного. Сон, обступающий сон,
Словно жизнь в самом деле над смертью берет перевес.

1986

* * *

Так у моря всегда заглянуть тебя тянет за край.
Расширяется зрение: ровная, тихая гладь.
Ничего не мешает как будто — давай же, давай:
Лодки, парус, а дальше? — Теряешься, не разобрать...
Только берег все круче уходит, уходит назад.
И стоишь — и идешь, и стоишь — и плывешь, и летишь:
Волны липнут к подошвам, за рядом смыкается ряд —
Далеко-далеко... Ветер слабо колышется.

Лишь

В гулком аэропорте такое же чувство найдет:
Провожаешь приятеля — страшный тяжелый полет
Птиц серебрянокрылых, их клекот тоскующий, вой.
И воздушное море за толстым стеклом, за стеной.
Только здесь его берег? Как странно!.. Меняется цвет,
И текучесть, и плотность, и сам ты легчаешь... Но нет,
Не теперь... Улыбаешься, слушаешь тихий прибой:
«Ну, счастливо! Прощай!» Расходящийся след голубой.

1986

РАЗГОВОР С СЕРЕЖЕЙ

Не может человек найти сути дела,
что делается под солнцем.

Экклесиаст

«Делаю — и получается. Знаешь, я весь ушел
В эту работу, и, знаешь, мне нравится, даже рад,
Что не пошел в *измерители*». Курит, довольный взгляд...
В замершем коридоре желто-горчичный пол...
Странная эта забота: труд — надали, и пойдет.
Словно во всем содержание прячется, как в пирожке
Лакомая начинка, и только разинуть рот
Нам остается? — Похоже... Или же кот в мешке?
Вспаханный, перелопаченный пласт, шерстяная ткань,
Мягкое жизни подбрюшьё... Только бы не упустить!
Нежные сумерки тронутся. Встану в такую рань!
«Нет человеку блага, кроме как есть и пить,
И видеть благо в трудах своих, в томлении сердца...» Да, да...
Я знаю, свою тенью мы все заморожены. Свет!..
О эти волнения, страхи, стихи — круговая беда
Сомнений, и ни полуслова, ни полунамека в ответ.

1985

ПЕРЕД НАЧАЛОМ СОБРАНИЯ

Комитетчики в этой толпе как-то сразу находят друг друга:
По повадке особой ли, или условному знаку?
Подходя, улыбаются, жмут со значением руку,
Нежно смотрят в глаза, достают из кармана бумагу.
Говорят полуласково, полукокетливо даже.
Что-то тихо сместилось в словах, и уже не добраться
До первичных значений. С тоскою подумаю: «Как же,
Если выпадет случай, доказывать им, объясняться?»
Вижу вот и к Андрею (ах, да, ведь и он в комитете)
Подошли, опознав, обласкав, по плечу потрепали.
Что за тайная секта нудистов?.. А может быть, эти
И почище еще? Отвернусь... Оживление в зале.

1985

В ОТПУСКЕ

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен...
М. В. Ломоносов

Здесь стул, кровать, качающийся стол
Твои лишь на недели две — не боле.
Так жить — не ощущать, как мир тяжел:
Пыль не стирать, не мыть корявый пол,
Не пробовать на вкус: довольно ль соли.
Так жить — всего лишь чувствовать уметь,
Как оставляет быт, слабеет сеть
Ответственности, долга, сожалений,
Так жить — не суетиться, молодеть,
Быть в отпуске — растрачивать, хмельть
От солнца и невыразимой лени.
А свежее дыханье новых встреч,
Когда украдкой силишься привлечь
Внимание к себе, сидишь, бледнеешь!..
Поддразнивает слух чужая речь,
Но, главное, что все это облечь
В твердеющие формы не успеешь.
И утром на подстилке у реки,
Потягиваясь, словно позвонки
Тяжелою рукой перебирая,
Кузнечика увидишь: как легки
Его сухие лапки, постромки,
Как он дрожит, усердствуя, играя!

1986

* * *

Мне приятно, когда разломаченный жеваный край
Утюгом расправляется в ровный упругий настил. —
Горячо... Чуть надавишь — и тихо поплыл. Ну, давай!
Легкий пар над пеленкой повис без движенья, без сил.
Даже после десятой не надоедает следить
За раздавшейся перед глазами мерцающей гладкой каймой.
Заутюжил ли складку, пристала ли праздная нить:
Все волнует какой-то основой своею живой.
Но чуднее всего, что не сходишь с ума из-за тех
Неотчетливых скользких минут, до конца заполняющих дни,
Когда снова стирал, полоскал и тянулся развешивать —
вверх —
Два десятка пеленок, и липли к ладоням они.
Если за руку крепко взяла тебя жизнь и ведет,
Разве будешь о чем-то жалеть, а тем более ей возражать!
Пусто, влажными хлопьями виснут подгузники. Счет
Потерял, заблудился... одна белоснежная гладь.

1986

* * *

Интересно, что ему снится, укутанному, чуть живому?
Только носик торчит, да колечко пустышки плывет.
Вдруг причмокнет во сне — знать опять потянуло
к родному:
О молочные теплые струи, спокойно бегущие в рот!
Совершенно пьянеет, когда начинает сосать. Головою
Жадно дергает, сердится. — Тоже мне хищник! — Смешной!..
Одеяльце сложу, козырек у коляски раскрою.
До чего же банально все то, что сейчас происходит со мной!
Эта нежность дурманящая, эта жалось горячая, вата,
Пузырьков, погремущек, бутылочек хрупкая рать!
Почему так волнуешься? Все уже было когда-то? —
И жена моя, девочка, в куклы играет опять.
Чем же жить-то еще? О, спасибо за это смягченье,
Уравнение любовью, надежды неясные, страх!..
Ну, пора вынимать: достаю, ослабляю крепленья,
С глуповатой улыбкой ребенка держу на руках.

1986

* * *

К голосу родному льнул, ухом прижимался к трубке
эбонитовой:

«Да, алло, не слышу!» А вокруг подводный гул:
Люди, установки, проводами, трубами повитые.
«Ты напрасно так волнуешься, напрасно!» Возле губ
Черные отверстия, и в подбородок вдавленный
Край. Почти целуешься, бесстыдник-однолюб,
На глазах у всех, освободившийся, расслабленный.
К левому плечу клонясь: «Не слышу, что, алло!
А... ты не поедешь...» Ковыряю бессознательно
Планку у стола, сую бумажку под стекло.
Как интимно, как легко, необязательно!
После разговора вдруг, очнувшись ото сна,
Замечаешь выступ с загрязнившимися дольками
В чьих-то старых метинах... Как там, у Кузмина? —
«Горькие уста, уста, целованные столькими...»

1987

ЧИТАЮ ВНУТРЕНнюю РЕЦЕНЗИю ШЕФНЕРА НА СВОЮ КНИГУ

Голосом глуховатым, простуженным
Говорит как будто, а я как будто не слышу...
Старого человека тревожить... Зачем! Неужели так нужен мне
Этот листок, эти странные реплики в сторону? Тише,
Тише!.. Несколько замечаний в конце извиняющихся,
словно прихрамывая,

Мимо пришел, оглянулся, случайно, устало...
То ли все хорошо, то ли самого главного я
Так и не понял. Похоже, придется сначала
Перечитать. Близорукий, задумчивый взгляд ускользающий,
Обращенный в себя... Со стихами соваться... Как жалко!..
Где-то даже бестактно. Непрошенный вал напирющий
Мелких книжечек, жиденьких сборников, рядом
составленных валко

На прилавках. Никто не берет. Ну а если читают по случаю,
То... Ах, знаете, лучше бы уж не читали!
Что нахальней стихов, что бесстыдней! Какая-то нечесть
липучая:

Предлагает себя, пристаёт, на взаимность надеясь едва ли.
И еще хорошо, если так глуховато ответят, чуть в сторону
Отводя утомленно глаза, очень вежливо, холодновато.
Ну зачем это мне? Что, какое-то чувство подорвано
Человеческое, и томит скрытый комплекс, живая утрата?

1987

* * *

Слава богу, мал еще мой мальчик,
Объяснять не требуется, почему
Папа на работе, как болванчик,
За столом сидит, глотает пыль, во тьму
Мутного окна уныло сморит.

Жизнь такая:

Графики, обгрызанный по краю карандаш.
Лучше быть как все, не обижаясь, не пеняя.
А стихи?.. Наверно, это слабость или блажь.
В самом деле, ну подумай, позже спросят в школе:
Как профессия отца? Ответишь что? — Поэт?..
Дико! Змеелов почти... нет, перекаати-поле,
Продавец билетов лотерейных: «Вам билет!»
Сколько несчастливых, сколько скомканных! Из урны
Сыплются, и ветер поднимает их, несет.
Что уж тут вставать на неподъемные котурны,
Лавры прицеплять к виску, вести отсчет!

1987

* * *

Белый-белый кролик, уши прижимающий от страха
И на кошку толстую похожий...
Как его тащили из кабинки маленькой наружу,
на столе растягивали, и игла прокалывала кожу,
А потом лишь судорожных три-четыре взмаха
Лапками... По телевизору следил за ликвидацией зарином
Начиненных бомб — какого радостного времени примета!
Скрупулезно пробу отбирают, шприц готовят, тихо глядят
спину
Кролика, косящего испуганно. Зачем им нужно это?!
Смотрят, смотрят дяди в генеральской форме, в шапках
с козырьками
На подопытный комочек белой шерсти, растопыренные
лапы.
Кто-то отворачивается, растерянность мгновенная
во взгляде.
Как его поглаживали прорезиненными желтыми руками
Деловито, ласково!.. Ну, не показывайте это-то хотя бы!
Вену в длинном ухе розовом, просвечивающем
Отыскать легко: вот так, совсем не больно.
Смерть проста: лежит, не двигаясь, и ждать уж больше
нечего,
Но все смотришь, смотришь, ждешь чего-то бессознательно,
невольно.

1988

ЕГИПЕТСКОЕ

1

В Белом Мемфисе, городе радостном мы с тобой
Будем жить так долго, как только позволит Бог.
Мне знаком в милом голосе каждый изгиб и сбой
Дорогого дыханья, губами растянутый слог.
Той же девочкой с волосами расчесанными на пробор
Оставайся, с тяжелыми волосами, ниспадающими на грудь.
Дай мне руку, пойдем — там в святилище мальчик Гор
На коленях у матери. Страхи свои забудь!
Лишь спадает вода — в обнажившийся жирный ил
Под копыта быков бросают рабы зерно.
Будут сильные всходы... И если бы не любил,
Общей участи не избегнул бы все равно.
Лепестки у лотоса нежного опадут,
Ждут нас скалы печальные за рекой.
Там, на западе душные ветры, свиваясь в жгут,
Занесут песком непроглядным безвременный наш покой.
Тихо к берегу камышами заросшему подойдем.
Обернись, улыбнись мне, по щиколотку в воде
Стоя... В Мемфисе Белом, где пристань, где глиняный дом,
Где живем мы, где любим друг друга, где...

2

Воды Нила разлившегося сначала зеленые, позже краснеют.
Яростная Сохмет, напившись живительной влаги,
Тихо пьянеет. Радостно править лодкой своею,
Блики бегут, извиваясь, как по ветру узкие стяги.

Рыбы снуют в глубине. Тяжелые сети
И двумя руками не вытянуть — нагибаешься ближе
К теплой воде. Этот воздух, прозрачные эти
Капли на тростнике!.. Ничего, ничего не вижу,
Ослепленный, в сумраке зарослей папируса, зеленоватых.
Нежное стрекотанье стрекоз, нависающие побеги
Над скользящей протокой, и тысячи тысяч пернатых
Тел, голоса разлетающиеся, слипающиеся веки...
Ах, этой жизни тяжесть несем и не замечаем,
Подслеповато щуримся, раздвигаем руками полог.
Даже во сне сегодня я буду следить за краем
Режущего волну весла — догоняющий след не долог.
Так ли вот, насмотревшись, тихо на землю лягу,
Чтобы мне снилось все то же, волнуя, не отпуская:
Свет, обволакивающий, ласкающий влагу,
Реку усталую... лодочка, сеть золотая...

1988

* * *

Едешь в электричке — и к окну садиться страшно:
Каждый вечер стали стекла бить. — Смотри, смотри!!!
Вот он, начинающийся хаос! День вчерашний
Помню. Как сегодняшней ощупать изнутри?
По откосам жгут траву, и стелется тревожно
За вагоном шатким сизый дым...
Я не знаю, что еще придумать, сделать можно,
Как прожить под небом грозовым?
Шелестят листьями прошлогодними бумажки...
Мне не денег — нет — надежды жаль.
В подступивших сумерках плывут многоэтажки —
Бесконечная горизонталь.
И подходят близко, медленно и мучают устало
Тени. От деревьев в окнах рябь.
Жизнь... ну почему же так свободы, света мало,
Воздуха... тиски свои ослабь!

1989

АЭРОПОРТ

Что за жизнь невероятная, пернатая!
Чемоданы, гам — одна гагачья стая.
Суеютой, как пухом или ватую,
Окружен, обложен, забывая,
Что я здесь, зачем, какого родича
И откуда, главное, встречаю?
Ожиданья зал с табачной горечью,
Вкус вчерашней выпечки и чая.
Боже мой! Все движутся, пугаются,
Пропустить бояться. Перелетный
Дух... А этот, этот как старается,
Оттирает лоб блестящий, плотный!
Видно, есть какие-то нездешние,
Дальние края, куда стремиться
Всем всегда положено. Сердешные
Вы мои, измученные птицы,
Темные, широкие, тяжелые...
И неповоротливые крылья!
В эти небеса, слепые, полые,
Стынущие, ждущие усилья.

1989

СОВЕТСКИЙ ПАМЯТНИК

И забвенью прийти наконец
Не дают в этот угол печальный,
Пионеров, как стадо овец,
Пригоняют на день поминальный.
Шалых лакомок странен тут вид,
И чугунное око глядит
На передничек белый, крахмальный.
Что цветочки! — Успеют увясть
До конца наступившей недели.
Вот и все, должен просто стоять,
Слушать темные шорохи елей.
Равнодушная память. Салют! —
Не хотят отпустить, не дают...
Эта дикая, тайная связь,
Словно жизнь и не кончилась, длясь
Как растянутое умиранье.
Посребренный стоит истукан:
«Командор, нынче ночью ты зван...» —
И кивнет, затаившим дыханье.
Нам бояться б, так нет же, так нет...
Только дети весь чувствуют бред,
Ужас весь, просыпаясь ночами.
Призрак черною мглой окружен,
Неживой, притворяется он
Пребывающим с нами.

1989

ХУДОЖНИК ПОКАЗЫВАЕТ СВОИ КАРТИНЫ

И. Н. Зисману

1

Словно все провода обрезаны. Странно:
Изнутри, безудержно, приглушенно
Звук доходит. Так в чреве левиафана
Проповедовал и сокрушался Иона.
У библейской страсти газетный, серый
Цвет, болтливый бумажный привкус страшный.
Это жизнь не знает конца и меры,
Это ужас будущий и вчерашний,
Убаюканный в черной яме,
В бездне, полнящейся зыбями.
Тише: пение, словно в храме,
Звезды злые встают над нами.
Говорил, что не нужно зренье —
Руки умные знают дело.
Этот цвет — головокруженье...
А душа вот смотреть не смела,
Не отваживалась, мечтала,
Неосознанностью ребячьей
Жизнь и живопись напитала,
Страхом, проповедью горячей.

Озерки становятся райскими садами,
 Бледный, непривычный, местечковый Крым,
 Где деревья, кажется, растут, не зная сами,
 Из брусчатки, из асфальта — есть ли что под ним?
 Яркое, в ноябрьские дни уже поблекло
 Небо. Только непривычно сухо и тепло.
 Ах, лоскутик замшевый так протирает стекла
 У очков, и огоньки в ночи поблескивают зло.
 Хорошо художнику, что может, не жалея
 Время, выбирать не видимый никем
 Отсвет, призрак жизни: золотая Аквилея,
 Или домик покосившийся... Но т-сс... я глух и нем.
 Пусть поставит не спеша за одной другую.
 Трогательно неуклюжие и юные без рам,
 Легкие такие. — О!.. Я, кажется, ревную?
 Нет, влюбляюсь весело, легко не по годам.

1990

Комната эта меня ждала,
 Чтобы мучить предметом каждым —
 Книжечкой на краю стола,
 Креслом, в котором я не однажды
 Сиживал, — что же теперь не сесть?
 Непреодолимое что-то есть...
 Страшен, как перестоявший лес,
 Вид потерявших друг друга предметов.
 Или еще не закончен процесс?
 Не до конца доведенное ЭТО,
 Стержень изъяв, наблюдает распад
 Жизни. Беспамятно книги глядят...
 Мне не понятно, что значит не быть...
 Как это? Вот телефонная трубка
 Есть... и гудок — и сейчас позвонить
 Можно отсюда... Отсюда?! Но хрупко
 Бережное узнавание; сон
 За руку держит. Молчит телефон.
 Столик, к кровати придвинутый... Ах! —
 Капли, таблетки... Но что это значит?
 Кто, торопясь, позабыл впопыхах?
 Чьи они? Кто их на полочку спрячет?
 И лишь невыгоревшие куски
 Серо-зеленых обоев (в тиски
 Сердце берушие) выглядят внятно:
 Сняли рисунки — и темные пятна
 Все проясняют приливом тоски...

2

Словно фильм мультипликационный,
Вставший перед глазами туман, —
То ли бабочка, то ли лимонный
Цвет стены на картине, и дан
Еще миг напоследок горячий
Улыбнуться, забывшись: я твой! —
И потом уже куклой незрячей
Повалиться — о пол головой.
Как там, помнишь ли: книги страницы,
Точно ангелов крылья над ним.
Что в минуту последнюю длится,
Никому уже не разгласим.
Сон души, холодок люминала,
Или ужас, застывший в пике,
А она вот, уткнувшись, лежала
С телефонною трубкой в руке.
Больше нам не услышать ни слова...
Ту-ту-ту, бесконечно двоясь.
Видишь? — Занято... занята снова.
С Богом, может быть, хрупкая связь?

3

Больше всего думать и вспоминать
О ней мне мешало ЭТО —
То, что надо было сначала нести вчетвером, осторожно
приподнимать,
Ставя в шаткий автобус... нелепая тяжесть предмета.
Тщетно ужаса ждал и тоски. Нет, скорее мучителен был
День, тянувшийся бесконечно, как бесчувственное
ожиданье
На вокзале... Куда отъезжаем?.. Навязчивый холод перил,
Возле стен крематория плохо пригнанных плит громыханье.

И еще я все время хотел (странно...), знаете, ей рассказать,
Как прощались, как шли чередую, а я не сумел задержаться
На мгновенье последнем... Лицо невозможно узнать.
Разве это она? Разве требуется притворяться?
И весь день все прислушивался, все пытался понять,
где же боль,

И откуда такое удушливое отупенье?
Что я чувствовать должен сейчас? Что? — Не знаю...
Не в силах... Позволь
Просто ждать, когда кончатся скорбные приготовления.

1990

40 ДНЕЙ

Собственно, осень уже наступила.
В августовские последние дни
Солнце урывками, через силу
Сквозь облака прорывается с тылу. —
Холодно. Пуговицу застегни...
На проводах собираются птицы,
Дождь, зарядив, неотчетливо длится
Сутками, бьется в стекло, моросит.
Сладко — без снов и без времени спится
(Мне до конца не осилить страницу),
Поле желтеет, сменив реквизит.
Память?.. Не знаю, что это такое.
Высокогорное чувство покоя,
Тормоз, задуманный раз навсегда,
Контур эмоции, символ утраты,
Страх обнаружить, что мы виноваты,
Черная в радужных пятнах вода?

Мне она время от времени снится...
Будто бы сон, что-то вроде теплицы,
Где еще может, прижившись, расти
Образ знакомый, привет запоздалый,
Зимний цветок, собеседник усталый.
Как с ним себя — непонятно — вести?
Даже не в странных подробностях дело
(Парк, на фонтан газированный вид).
Ты, замерев, ожидаешь несмело.

Ну а она, словно что-то хотела
Вспомнить, усилие губы кривит.
Памятью вызванной, быть принужденной
Бабочкой, сеткой накрытою — сном,
Ей непонятен глоток незаконной
Жизни продолженной, мною продленной:
Красные веки, глухой, отдаленный
Голос, как будто бы все об одном...
Вздоргну, проснусь: серый дождь за окном.
И невесомая, как паутинка,
Ветром осенним влекомая ввысь,
В воздухе держится эта картинка,
Мучает... Шепчешь в пространство: «Крепись!»

1990

НА ТЕПЛОХОДЕ

Выпил пива я черного и вина золотого.
Солнце в огненном коньяке тусклой плавает искрой.
Льдинка тычется слепо в борт стакана литого,
Тает медленно за щекой карамелькой, ириской.
Вот бы нам уже никуда не торопиться,
Выходить на палубу затихающими вечерами.
Жизнь случайная вопреки всему длится и длится,
Так что стоит ли сожалеть, почему с нами
Не прощаются, уходя, не ведут долгий
В темноте разговор, опустив руку
На ладонь? Лучше книгу возьму с полки,
Лучше выпью еще одну за разлуку!
Если кончилось что-то одно, тут же начнется
Новый чувства прилив. За бортом волны
Перешептываются, бубнят. Солнце
Ускользает за край в мрак полный.

1992

После молодости

* * *

Если в жизни ничего не происходит,
Не случается, не трогает, не любит,
И желанья, словно на излете,
Счастье-счастье, кто тебя пригубит?!
Хочется тотчас освободиться
От в тупик зашедшей рифмы, строчки.
Умирают, не успев родиться,
Мысли в темноте без оболочки
Слова, гладкой золотистой кожи —
Плоть не нарастает, нет дыханья.
О, на что, на что же так похоже
Это одолевшее молчанье?
Подожди, мне ничего не надо!
Вдаль глядеть? — Стекло покрыто пылью.
Там внутри — я чувствую — преграда,
Странно, но душа как будто рада
Тщетному, последнему усилью.

1993

* * *

Где ты там вечером поздним
В городе кривоустом?
Мрака глухие козни:
Сыро, свежо и пусто...
Как за тобою следом
Мыслями в след ступаю!
Нет, ничего об этом
Так я и не узнаю.
Ниточка — тоньше клейкой
Хищной струны паучьей.
Страхи мои — ищейки.
Не бери, не мучай!
Блики ночного света,
Тайная тень вокзала.
Все мне открой про это, —
Сердце чтоб пустовало.
Шляешься где, какую
Жизнью живешь другою? —
Я не побеспокою.
Легче мне оставаться с ясностью и тоскою.

1994

* * *

Отпустить? — Хотя вот уже пять минут
Я держу твою руку в своей руке...
Неужели можно остаться тут —
Вдалеке от всех, вдалеке!
Как вообще способны из одного
Перейти в другое, мгновенье для?
Вот уже и не было ничего...
За черту зашли, за поля.
И не знаю, кто ты, пока опять
Не дотронусь — и есть ли ты там еще.
Так звезда мигает, боясь пропасть
Под тяжелым ночным плащом.
Что же ей, упрямице, — лишь гореть,
Посылать, не зная, дойдет ли — нет,
Сквозь пространство света литую медь,
Не надеяться на ответ?

1994

* * *

Или жизнью какой-то, еще чужой, —
Нет, не зрение и не слух, — а так...
Что-то там внутри обожгло, вожжей
Словно бы поддало. Горячий знак
Будущего. Нет же, тебя боюсь!
Не слепи глаза мне лучом своим.
У свободы с гибельностью союз;
Все забыть? Ну, давай, сторим!
Чем беспечней ты, тем счастливей я...
Не кончайся, дождик ночной!
Погляди, у капель одна семья —
Полноводный плен ледяной.
И когда так близко — не разберешь,
Это уголь жжет или лед.
Ты куда? Куда ты меня зовешь? —
О, пускай, осторожность врет!
Заходиться будет, мое, в груди
Сердце — рыжий зверек ничей.
Улыбайся, хитро смотри, следи,
Как все зябче мне, горячей.

1994

* * *

Ветер дышит, давит во всю на стекло
Тускло-ночного окна. То ли скрип, то ли всхлип.
Чувство слепое, куда ты меня завлекло,
Или тот вечер, как сорванный листик налип?
Эта усталость, уже многолетняя... Ты ли — не ты?
Но бесполезны признанья, вопросы пусты.
Лишь пока пьется сухое вино и течет разговор,
Ты — это ты. А люблю я тебя до сих пор.
Или же нет, не люблю... Что такое, любить и желать,
Слушать, как просится ветер, ворча бу-бу-бу,
Просто терпеть, потому что мне не залатать
Эту прореху: в конец износили судьбу.
Время нас подстерегает, и страх сторожит,
Идем как будто — и все гаражи, гаражи...

1995

* * *

Ожидание, ставшее как тягучий,
приставуче-приторный мед...
Телефон оставляю на всякий случай
я незанятым. Вдруг прорвет
напряженье это одной далекой,
пробуравливающей мрак,
фразой: «Здравствуй, здравствуй!» И над тревогой
будто кто-то срывает флаг.
А вообще-то, в золота плоти бычьей,
в смоляном плену, в янтаре
быть стрекозкой мне, быть твоей добычей, —
и не пошевелиться... Вре-
менами кажется только этой
неподвижностью и живу,
ощущая клейкие струны света,
чуть дрожащую тетиву.

1995

ИЗ ШЕКСПИРА

18 СОНЕТ

Сравнить ли с летним днем тебя, твой взор?
Прекрасней он уверенностью кроткой.
Шершавый ветер превращает в сор
Бутонов майских лепестки, короткий
Аренды срок у лета: то слепит
Нас небо, то свое смежает око.
Прекрасное утрачивает вид,
Послушно воле случая ли, рока...
Но вечны летних дней твоих цвета —
Не выгорают. Плата никакая
Тут не нужна. Во мраке красота
У смерти не заблудится, плутая.

Как взгляд, как с губ дыхания полет,
Любовь — вне времени, и жизнь тебе дает.

29 СОНЕТ

Когда меня заманивает в круг
Отверженность, холодные глаза
Не отводя, тоску мою, испуг,
Рыдание не слышат небеса,

И с отвращением прослеживая путь
Стыда и страха сквозь мои года,
Себя я рад забыть, кому-нибудь
Другому предпочесть, чья жизнь щедря

Надеждою, обилием друзей,
А я лишен способности такой...
Но вдруг, лишь о тебе... душою всей —
Как жаворонка в небо взлет крутой!

Любовь к тебе — вот счастье, вот успех,
Что перед ней благополучье тех!

130 СОНЕТ

Вы не похожи, милые глаза,
На звезды. — Нет! И на кораллы — губы.
Вот снег — он бел, а шеи полоса
Смугла, и пряди, сбившиеся, грубы,

Как проволока. Розы в цветниках
Румянятся — не на щеке невзрачной,
И аромат дыхания пропах
Гнильцой какой-то едкою табачной.

Начнет болтать — и сразу счастлив я,
Хоть не скажу, что музыка играет.
Не знаю, как богини, но моя
Довольно твердо по земле ступает.

Но, видит бог, любви моей полет
Не ниже той, что, сравнивая, врет.

1995–2000

ДИДОНА ЭНЕЮ

1

Как бумажный кораблик на воду от Карфагенских скал...
Уплывай, если ты измучился, если ты от любви устал.
Тяжелее, чем пектораль
Золотая, что давит грудь.
Там, туда — в голубую даль,
Только плыть за тобой не нудь!
Будет ветер попутный весла сушить кораблю,
Как мембрану моря собой продавливать станет закат,
Я же боль-любовь неизбывную удавлю,
Потому что, во всем виновный, ты — не виноват.
Незаметно предательство, как возле губ налет
После всех поцелуев — стальных, что сбились, считая их,
И в чужом дыхании растворенный смертельный лед
Жечь уста продолжает, хотя даже отзвук стих.

2

Что славе грядущей упрямого Рима,
Нас с capitoлийских твердынь
Оглядывающей, что все же любима
Тобою была я?! — Отринь!
Раскинь этот парус предательский, плечи
Расправь, недвижим, нелюдим!
Душе, как и воина телу, увечий
Хватает — ну, больше одним.

Не те ли признанья, что вымолить ночи
Той, помнишь, моей, удалось,
Не сердца ль удары (казалось, короче
Не будет), идущие сквозь
Весь мрак ожиданья, надежды, неверья,
Смущения — вот же, он твой!..
А ныне лишь птицы, роняющей перья,
Тень, облако над головой.
Куда ты?! — Вина, словно чайка в слепящем,
Пылающем золотом струн,
Кипящем просторе. Ты был настоящим,
Мой верный, мой праведный лгун.

1995

ОТПЛЫТИЕ ЭНЕЯ

Не вернуться уже никогда,
Если с берега дым погребальный.
Горизонта морская слюда
Неизбывней вины, безначальной.
И, как приторный привкус во рту,
То, не ставшее истиной слово,
Потому что зашел за черту
Дух, а тело опять не готово...
Что ему, уносимому прочь
Силой ветра и весел стремленьем?
Ты к пространству его приторочь,
Что б уж разом конец наважденьям.
Было — не было, кто разберет?..
Лишь душа, перелетная птица,
Свой стремится безнадежный полет —
На покинутый берег спуститься.

1995

* * *

Самое-то обидное то, что всё-всё здесь есть,
Где-нибудь рядом с нами,
Надо лишь только вовремя переместиться, влезть
В нужный сегмент пространства и времени. Оригами
Жизнь вырезает. Судьба — это перечень тех
Смутных попыток прорваться,
Пульсирующий успех.
Осуществленные тайные грезы и грех
Чаще лишь снятся.
Вот и доволен будь!
Капилляром стесненная ртуть
К вечеру сиганет через красную метку.
Способ леченья известен: горчичник — на грудь,
В чашку — таблетку.
С тем, кто не пережил этого, не о чем говорить!
Возраст устал надеяться, ум осторожно рыть
Скрытый подкоп из тюрьмы обстоятельств. Все дни недели
Мусором по уши заросли. Увы, не способны любить
Молокососы и лицедеи.
Так что, стог разгребая, помни: она тебя
(А не ты ее) скорее найдет, вопьется
В кожу. И новое чувство, пригубливая, губя,
Полным затмением сердца потушит солнце.

1996

* * *

В слепом судеб пересеченьи,
Чего от каждой встречи ждем?
Очарованье, увлеченье
И... одиночество вдвоем...
По городу, в весенних лужах
Разглядывающему, как
Он постарел от зимней стужи,
Насквозь пронизывавшей мрак,
Идем. А ты глядишь устало
И знаешь: дальше ничего.
О! счастья... счастья нам достало,
Да мы не вынесли его.

1996

* * *

Так с иглами в крови к концу пустого дня...
Не жил, а прятался. Подташнивает, гадко.
Теперь лежи во тьме, досадуя, вина
Себя за безнадежность распорядка,
Не выпускающего из своих сетей.
И мысль опять — по всем дневным бороздкам:
Ах, надо позвонить... ах, надо для детей...
И так, пока в невнятном и громоздком
Не канешь сне. Нырнешь куда-то. Но,
И бодрствуя в бесчувственных заботах,
Как бы завернутый в ночное полотно,
В рядах мгновений, в шестигранных сотах —
Ячейках времени застывший, словно мед,
Кто ты? — Душа себя не узнает.

Мне жаль... мне жаль того, кто был столь щедр
На обольщения. Никчемный я наследник
Умершей юности, разверзшей бездны недр,
Неосторожно заглянувшей в ледник,
Подвал мертвецкой стынувших надежд.
Мне жаль... И сон не покрывает вежд.

1996

МЕСЯЦЕСЛОВ

Ире

ЯНВАРЬ

Там в глубине, пока здесь ледяная
Покрыла корка очерствелый прах,
Они лежат, холодные, не зная
Ни о каких сверкающих мирах.
Озимые зимой в земле прозяблой,
Как в летаргии — слабое тук-тук,
Пульс нитевидный. Но рыхлили грабли,
И пласт взрезал, наваливаясь, плуг.
Все это было... Небо смотрит хмуро,
На низкий горизонт облокотясь;
Безликое, как содранная шкура,
Пространство белизны, слепая бязь.
Никто не догадается (откуда!),
Что там под нею... сбитые в комок
Есть семена пророщенного чуда,
Воскресшей жизни, ждущей только срок.

ФЕВРАЛЬ

Не навсегда, не навсегда
Твои февральские метели.
Снег — лишь замерзшая вода,
А птицы только улетели
На юг, чтоб перезимовать,
Но также светел луч скользящий, —
От утра к утру на кровать
Ложится жарче все и чаще.

И веселей морозный зуд
Для обновляющейся кожи.
Проснись, красавица! Зовут!..
Как дни последние похожи
Зимы на предрассветный сон:
Поля, поля в пыли поземки,
И вздохи ветра в унисон
Кустов подрагиваньям ломким.
Еще не началось... Но вот —
Сугробов вздувшиеся чрева:
Зима, беременная, плод
Донашивает, словно Ева.
И ей родить, и ей страдать?
И ей быть матерью?.. Безлюбой?
Свои застуженные губы
Слепому солнцу подставлять...

МАРТ

И как бы надорвавшаяся в
Усилии родить земля ослабла,
Из-под покрова космами травы
Пугая — прошлогодней, серой, дряблой.
Распорот снежный полог, как живот
При кесаревом... Где тут в смрадной ране
Рожденный новых сил круговорот
Соцветий всех, всех птичьих трепыханий?
Такая участь! Вот он, перегной
Для будущего лета — тонкой жилкой
Росток, в пространство вдавшийся (как Ной
С морской своей чудовищной копилкой
Всех жизней, всех семян, всех тварей, всех
Рождений и смертей). — И рвется вверх!

И нам с тобой когда-то предстоит
Родить пустое место, очищая
Путь тем, кто ждет, кто в очереди, слит
Пока что с тьмой, кому еще, вращая
Свой купол, будет небо потакать,
Лаская ветра свежего посылом.
И нам дарилось... Что же, вымогать,
Тоскую, большее с неблагодарным пылом?..

АПРЕЛЬ

1

Есть то, что спит внутри тебя, как в талом
Снегу — вода, просачиваясь вниз.
Линяет мир: под белым одеялом
Травы зеленой клочья принялись.
И видно, как из ничего, из глины,
Из мертвой почвы, сращенные с ней,
Протягивая трубки-пуповины,
Ползут живые тьмы стеблекорней.
Что там — внутри — сосут они из праха,
Какую эманацию? Какой
Убийственный желанья и страха
Состав, бегущей жизненной рекой
По руслам всем, по каждой клетке новой,
Мерцающий, пульсирующий, тот,
Что кровь и кожу, вены, альвеолы
Пресуществляет, душу им дает?
И вот — одушевленное — дыханьем
Пространство полнится, как небо синевой,
И солнце, покрасневшись, с замираньем
Привычный путь задерживает свой.

И кажется, что каждое мгновенье
Подведено таинственным ключом.
И ты, и ты к чему-то подключен
Через замирание, сердцебиенье.

2

Серенький денек, сыростью набрякший:
Стает — и опять утром все в снегу,
Словно в Воркуте, словно в Каңдалакше,
Северней еще... Больше не могу!
И пока, карабкаясь по широтам, к Невской
Доползет губе праздное тепло,
Жди, как там растет, там за занавеской,
Нечто, что опять мир заволокло.
Чтобы маховик раскатать упрямый
Жизни (или это лишь сны вкушает плоть?)
Вновь — в который раз — смена панорамы:
Правую — сажать, левую — полоть.
Это вот сейчас из холодной слизи,
Грязи, напитав вяжущий состав,
Прет на божий свет будущий Элизий
Пышноцветных кущ, стелящихся трав.
Что ж, давай, расти! — И хотя ответа
Нет, зачем опять повторится путь,
Просто подождем, доживем до лета,
Погостим, глотнем воздуха чуть-чуть.

МАЙ

1

Горький запах тополиный
Новым утром пьет рассвет,

Жилки листьев паутиной
Свой ведут кордебалет.
В этой дыблящейся, новой,
Тяжелеющей, дурной
Юности, на все готовой,
Ты не встретишься со мной,
Потеряешься в шумящей
Массе одуревших крон;
Даже ветер — настоящий —
Их кипеньем утомлен,
Как бы бульканьем, кудлатым,
Бутафорским взмахом крыл.
Это жизнь. — Ее анатом,
Как ни мучался, не вскрыл.
Ах, избыточно все это —
Плоть, взмывающая вверх.
Как иголку в стоге света —
Сена — времени... На грех
Времени-то слишком мало,
Уж к июню отцветут...
Жалко мне, смотрю устало
На убойный, буйный труд.

2

В жадном мае нам с тобою,
Ах, друг друга не найти.
Что пленяться кружевной
Плотью мира во плоти,
Суррогатной, ненормальной,
Прущей дальше всех преград! —
Так с обложечки журнальной
Мускул дыбится, покат.
Вот и вся забота юной
Жизни: семя прорастить.

Смысла зыбкого лакуны,
Перерезанная нить.
В буйных зарослях блуждая,
Жду, когда настанет срок,
Чтобы осенью тебя я
Издали увидеть мог.

ИЮНЬ

Подумай, на живую землю глядя,
Очнувшуюся — в зелени сплошной,
На гибких ив свисающие пряди,
На тополя, пушистой пеленой
Дорогу затянувшие, на белый
Кистей, лиловый сумрак, что сирень
Раскинула, на долгий-долгий день,
Ночные потревоживший пределы,
На бабочек резвящихся наряд,
На то, как в жидком воздухе горят
Стрекозок юрких крылья слюдяные,
На ирисов тревожащие взгляд
Мерцающие контуры резные
(Как впалых лепестков упруга плоть,
Рисунок четок совершенных линий,
И сразу фиолетовый и синий,
И желтый) — кто задумывал? — Господь?
Природа? Мне не важно. Не дает
Другой покоя мне вопрос: вон тот
Цветок, вот эта бабочка в лимонной
Пыльце — слепая красота — она
Самодостаточна, но жизни лишь нужна
Для продолжения; порой осенней, сонной,
Увянув, сморщившись в хранящий семя плод,
Благословенная, бесследная, уйдет,

Предпочитая хмурое соседство
Распада, глениа, пугающего глаз.
Жизнь — понимаешь! — жизнь. Что цель для нас,
То для нее всего лишь только средство.

ИЮЛЬ

День или год к середине теряет
Свежесть свою, целомудренный вид.
Солнце себя же жарой отравляет —
В небе, расслабленное, полуспит.
Лишь, над водою повиснув, стрекозы
Искрами сине-зелеными глаз
Радуют. Пляжно-аморфные позы,
Мысли и даже надежды у нас.
Что тут загадывать, лежа в зените
Отпуска, опыта, силы, тоски.
Речка плетет золотистые нити
Бликов, такие же, как волосы
На загорелой, подсохнувшей коже.
Лучше не будет — спокойней, полней...
Шмель, забирающийся в цветоложе
Всех отступивших и будущих дней.
На золотой, так сказать, середине
Не удержаться ему — полетел
Дальше. А мне вот достаточно и не
Хочется переступить за предел.

АВГУСТ

Листва как будто тяжелей
И гуще стала. К знойной лени

В леса вдающихся полей
Льнут набегающие тени
Башноподобных облаков,
Стопарусных, текущих вяло.
Так вот он образ твой каков,
Конца роскошное начало!
Еще и семя отвердеть
В плоде созревшем не успело,
Еще все силится продеть
Стрекозка замершее тело
Свое в воздушную петлю,
Как нитку скользкую в иголку,
И я надеюсь и люблю,
Еще люблю тебя — что толку!
Тебя, в слепящей полноте
Подспудно зреющей утраты;
Но что потом рассветы те
И августовские закаты,
Когда мгновения, дрожа,
Сползают в ночь по кромке алой...
Что памяти до дележа
С той будущей тоской усталой?!

СЕНТЯБРЬ

И вот любовь, оставшись без предмета
Любви, как перезрелый плод томит.
Так понимать, так чувствовать все это...
И тщетен нив колышущихся вид,
Пусть золотых — но что мне для помолы
Сбираемое в житницы зерно!
Здесь скоро будет холодно и голо,
А было!.. Ах, не все ль теперь равно? —

Нет? Что мы любим после, понимая,
Что некого и силы больше нет,
Что не продлить надежду, что иная
Пора приходит? Оскудевший свет
С небес поблеклых смотрит с сожаленьем,
С тоской на роскошь накладных румян,
На царственную пышность, в туне тленьем
Отравленную, трупики семян
Стыдливо прикрывающую. Ими,
Проклюнувшимися, страдать другим.
Пока живой, с пока еще живыми...
И меркнувший день возблагодарим.

ОКТАБРЬ

Только в теплом доме, пока снаружи
Ветер, сатанеющий день ото дня,
Волны влаги слизистой, липкой стужи
Рвущий, все со мною и для меня.
И из-за стекла прозрачную грудь в злую
Непогоду выставленного, смотрю,
Как терзает пурпурно-золотую
Крону, поредевшую к ноябрю
Клена, как кусты испуганные ерошит,
Как сбивает галку с нетвердых крыл.
Но чем там безрадостней, тем дороже
Всё, что здесь. И двери бы я закрыл
Поплотней, покрепче. В осенний кокон
Напоследок прячется жизнь. В росе
Грани запотевших, померкших окон.
Горько, хорошо... еще живы все.

НОЯБРЬ

А в ноябре и мира больше нет:
Так — нечто студенистое, и свет
Сквозь перистые клочья затянувшей
Все небо серо-сизой пелены
Едва проходит. Никакой вины
И никаких иллюзий о минувшей,
Заканчивающейся жизни... Там,
Куда сползает время, мокрый хлам
Гниющих листьев на земле, циничный,
Нагой, наглядный вещества распад,
Как бы стриптиз старухи, свой наряд
Снимающей у грани пограничной.
И потому теперь пора слепых
С рождения. Скуливший ветер стих,
Нетвердой почвы хруст, новокаином
Словно пропитанной, пустого сердца стук:
Ни чувств уже своих, ни ног, ни рук,
Ни сожалений, канувших в едином.

ДЕКАБРЬ

Я только голос, уже пустой, —
Такой, каким навсегда останусь.
Мир этот разве что на постой
Пускает. Времени глупый Янус
Никак не выберет, что ему
Рассматривать. Просто глаза закрою:
В конце концов, отступая в тьму,
Пора приучаться к ее покрою.

1997

* * *

А спрашивать, почему хочет быть счастливым
тот, кто хочет им быть, незачем.

Платон, «Пир»

Я не был никогда так счастлив, как
вы счастливы: любви взаимной мрак,
в объятии телами разделенной,
не мог стянуть всю жизнь в один зрачок.
А почему? Да так... о том молчок...
Есть в недоборе недовоплощенной
души не то чтоб выгода, а все ж...
И позднего прозренья острый нож
мне не грозит, и жалкие старанья
продлить всеобольщающий полет
иллюзии, когда так близок рот,
целующий, к пределу пониманья.
Я и хотел бы загипнотизи-
рованным быть... В мерцающей грязи
По красоте нездешней видеть муку.
Но к тем, кто полноценен или зряч,
Бог беспощаден, холоден, горяч:
лишь горло сжав, протягивает руку.
А счастье... что же счастье!.. Помнишь ли
Слова из-за предела той земли,
обложенной феболюбивой данью:
у тех, кто сопричтен, вопросов нет —
притихший ум, ступающий след в след
добившегося сердца обмиранью.
Я спрашиваю...

1997

* * *

Я о том, что в конечном итоге
Все окончится как-нибудь здесь...
Фантазировать можно о Боге,
Но скажу лишь: наверное, есть
Что-то скрытое в пристально-длинной
Отрешенной минуте. — Сейчас
Я задумался — и пуповиной
Эта, связывающая нас
Строчка дернулась, там застывая,
Где твой взгляд пробежал в этот миг,
Где живые, живое, живая
Жизнь — и я ее как бы настиг.
Впрочем, что же держаться за гладкий
Проводок стиховой, разве мы
Не листочки-двойняшки в тетрадке
Светом выхваченные из тьмы?

1997

* * *

Что видеть сны, уснув! Я наяву
Всю жизнь их видел: не коснувшись, мимо
Проши, как годы, мнущие траву
Вагагой молодой. Неутолима
Тоска: когда бы не пытался я
Понять, не знал, не чувствовал так яро
Все волшебство, всю бесполезность дара,
Весь ужас механизма бытия —
И хуже — весь соблазн его смолистый
В сияньи обреченной красоты!..
Как жалки мы... как те натуралисты,
Хранящие усохшие цветы
В гербариях.

А души в ледяную
Входить боятся воду, на черте
Береговой все топчутся, иную
Узреть пытаюсь участь в темноте.

1997

* * *

Как будто там уже, где то, что только ныне
Переживается, — давно завершено...
И странно длить, и не очнуться, и не
Сказать кому-нибудь: да полно, все равно!
Все уже сделалось, все страсти отшумели,
В последний порт доплыли корабли,
Исполнились надежды, как умели,
Утешились желанья, как смогли.
Оглянемся: развеянные Вей,
Помпеи, в мрак ушедшие земли.
И только утром стук дождя по кромке
Перил балконных задает отсчет
Существованью, напрягать постромки
Уставшему, ко лбу оплывший лед
Прикладывать. Что будущего ломкий
Воздушный мост, зовущий нас вперед!?

1997

* * *

Мы заменили веру упованием —
И вот на легком облачке парим
Надежды, подавляемой стараньем
Не обмануться чаяньем своим.
Где раны те, с кровавым их зияньем, —
Перстов сомненье удовлетворим!
Но здесь, где от сравнений воздух вязок,
Где каждый отзвук смысла многолик,
Не ухватить канатиков, завязок,
Не уследить, как происходит сдвиг
Любого чувства, лиц живых от масок
Не отличить, не вычитать из книг.
Без маяков, на ощупь в мраке звездном,
Вдоль смутно ощущаемой черты
Береговой... В томлении нервном
Своем права, права, конечно, ты:
И видим вдруг, и слышим слишком поздно
В преддверии грядущей немоты.

1997

Зрелость

* * *

Вот когда по-настоящему
жизнь придушит, ни стихам,
ни архангелу скользющему,
ни библейским пастухам
не поверишь. Что мне, Боже мой,
есть ли Ты, Кого зову!
Те, что были, — уничтожены
годы, втоптаны в траву.
Не воскреснут. А грядущие
не помилуют, стугасть:
там — провалы стерегущие,
там — утраченная связь
даже с...

из подчинения
телом вышедшим душе.
Твоего благоволения
как-то совестно уже
ожидать. Звездой предвечною
этой мути страхов, грез
быть!? — Да полноте! Аптечную
склянку разве что донес
до конца. Заплатим полную
цену, не торгуясь с Ним
и, ступая в тьму безмолвную,
никого не обвиним.

1998

* * *

Неважно, какие здесь будут звучать
Стихи: всё слова — слова.
Внимание публики ставит печать
На нечто, свои права
Вменяющее, не успев начать,
Растущее, как ботва.
И ангелам сверху — скучным, лепным,
Наверное, все равно:
Огонь ли без дыма, без пламени ль дым,
Соринка ль в глазу, бревно.
Но слух приобщенного неутомим,
Собрались к звену — звено.
Какая разница, где и как,
Зачем, и чем, и с кем!
Все рифмы, собранные в кулак,
Все стугстки избитых тем...
Смотрите-ка: духа растет желвак,
Таращится Полифем.
Нет-нет, ну какое тут — осуждать! —
Спасенье на водах, спорт.
Все стерпит твоя и моя тетрадь,
Как зал волейбольный, корт.
Что Муз изнасилованных упрекать,
Решившихся на аборт!

1998

* * *

Отметиться, жизни пропащей
Своей респектабельный вид
Придать, подсластить норовит
Рой мемуаристов гудящий.
Какая тщета! Как жалки мы,
Мы все — со своею, своим,
Бредовы и неутолимы
Желанья: откройся сим-сим!
Воспойте хвалу, херувимы!
Мир, дрогни! Возрадуйся, Рим!
Потуги, потуги, потуги...
Радетели, други, подруги...
Скончавшийся лауреат
Своих принимает парад.
И все, что копилось, гноилось
Внутри, все, что не воплотилось,
Отрава фрейдистских обид —
Все это теперь говорит.
С улыбкою сфинкса над ними
Он, мертвый, «составивший имя»,
Открывший заветную дверь,
Отчаливший в дальние дали,
Кем с завистью мы оправдали
Себя — он все знает теперь.

1998

* * *

Он такой огромный, корявый, в конец потерявший форму,
Что уже не поднять, не осилить — сиди, опустивши руки...
Но сырая весна опять, и больные голуби к корму
Из последних сил слетаются, и улица тонет в звуке
Шаркающих шагов, простудного бормотанья
Выхлопов, наконец, какого-то общего гула.
И снова я повторю: несмотря на твои старанья,
Мир неподъемен — гляди, как его раздуло,
Вспучило бурой жижей тающей массы снега,
Заволокло туманом, утяжелило смогом!
Я больше уже не хочу ни славы, ни человека,
Которого мог бы... но нет, не надо... Лишь о немногом
Теперь прошу: вот так же, как этим сизым птицам
С лапками, изуродованными морозами и заразой,
Пусть мне еще раз, еще раз, еще раз взлететь случится,
Пусть все, что будет там впереди, будет не сразу.

1998

* * *

У меня все равно нет другого
Тела, и столько мне,
Сколько есть — и не будет снова,
И любить тебе вот такого,
Впрочем, в общем-то, можно и не...
Это странная, старая птица —
Запоздалая нежность — к стыду
Своему. Безмятежно влюбиться,
Словно бы задремать на ходу.
И спокойно так, и неспешно,
Потому что, куда же нам!..
Ты не станешь звонить, конечно,
Волноваться по вечерам.
Улыбаясь, все понимая,
Всем, что нажито, дорожа,
Ну чего же еще, чумная,
Ты желаешь, моя душа!?

1998

* * *

Видишь ли, страсть — это дело слишком
Вымученное и театральный
Привкус имеющее. Не мальчишка
Я уже, чтобы монументальный
Труд предпринять: тебя от запястий
До сокровенных души задвигов
Выдумать. — Миф! — О, по этой части
То ли Гомер, то ли Дима Пригов.
Я же, допустим, все понимая,
Верности встречной, ответной боли
Вовсе не жду: только тень немая
Близости в этой земной юдоли
Нам предназначена — и спасибо!
Что обольщало — перекипело.
Но никогда не забуду, ибо
Вовсе не в страсти, а в чести дело.

1998

* * *

Болящее на каждом шагу, но пока
Что внешне еще вполне пригодное тело...
Ах, бедной плоти защита от дурака
Нужна была бы, когда бы она хотела,
Когда бы она могла что-нибудь желать
Сама по себе, без нудной опеки духа,
А так все заранее задано: хватъ-похватъ —
Уже старик, и обидней того — старуха.
О, сам по себе многоклеточный наш содом
Не лучше, но и не хуже куста сирени,
Живого облака, озера подо льдом,
Летящей птицы, по полю скользящей тени.
И только способность разума до конца
Отслеживать выбор свой, направлять усилия,
Сверяться с временем, метит черты лица
Печатью возраста и подрезает крылья.
Еще животные... Разве что дряхлость их
Заметна уже перед самым последним сроком.
Но есть красота особенная в седых
Подпалинах, в каждом движении,
сдержанном и одиноком.

1998

ИЗ ФЕДЕРИКО ГАРСИЯ ЛОРКИ

Когда умру,
Пусть с гитарой моей завзятой
Вместе в рыхлый песок положат,

Когда умру,
В апельсиновой роще, в мятой
Напоенном воздухе, в каждом цветочном ложе,

Когда умру,
Стану флюгером легким, влево
Поворачивающемся на ветру...

Vista nuevo,
Когда умру...

1998

* * *

Вода, которая бежала
Из крана так, чтоб трогать мог
Я ее выгнутое жало,
В ладонях стискивать в комок,
Который опадает сразу,
Бровей коснувшись, носа, щек,
Ища любые щели, лазы,
Чтобы пуститься наутек.
Вот так, подвижная, живая,
Моя и тут же не моя,
Дает себя, не отдавая,
Прозрачно-цельная струя.
Сама в себя же прячась хитро,
Сама продолжена собой,
Как ты, любовь, — аэро-, гидро-
Литический, летецкий бой!

1998

* * *

Потом, она еще, как известно, точит
Камень и отмывает тело,
И, конденсируясь в мраке ночи,
Утром сверкает оцепенело
На проводах, на кустах, на спицах
Велосипеда, в цветочных гроздах,
Чтобы к одиннадцати испариться,
Влиться в протяжный горячий воздух.
Вот, не бояться бы так же тихой
Смерти и верить, что ночью полной
Станешь туманами над гречихой,
Выпадешь белой росой на холмы,
Прямо в дремучую тьму объятий
Трав — с охладелого небосвода.
Если меня вы хотите — нате!
Ибо вот это и есть свобода:
Не уклонение, но струенье
Дальше сквозь пальцы, сквозь корни, кряжи,
Все проходя переходы, звенья
Жизни, и, может быть, смерти даже.

1998

* * *

И то, впрочем, правда, что, сколько ни трать
Усилий, река — всё вперед...
И в паводок не потечет она вспять,
Лишь как бы на месте замрет,
Потопчется, сделавшись просто водой,
Луга затопляя, до плит
Могильных достав, но в размытости той
О русле молчанье хранит,
С тем, чтобы, когда разом тающий снег,
Скудея, начнет иссякать,
Вернуться, свой бег продолжая, свой бег
К далекому морю опять.

1998

* * *

Ире

А давай не бояться, тем более что остаются
Еще годы и годы, и надо их как-то прожить.
Как? — Не знаю... Не важно... По-детски тянуть бы
из блюда
Остывающий чай, воскрешать все мечты, миражи!
Мне тебя не хватает, чем дальше, все больше и больше,
Пусть мы вместе, мы рядом, но и встречи здесь все
невпопад.
Ах, пора б нам куда-нибудь деться, хотя бы до Польши
Прошвырнуться, столбов принимая и чахнущих елей парад.
Знаешь, словно я чувствую: время, как кровь истекает,
Перелить невозможно — у доноров группы не те.
В телевизоре кто-то мелькает лишь и отвлекает
От того, чтоб смотреть напряженно в лицо пустоте.
И ни с кем не сойтись, не совпасть, а тем паче с тобою,
Ускользящей дымкой желания что-то сказать.
Только что?.. Чем потом-то, потом я себя успокою,
Загляну в чьи глаза?
Здесь все тоньше и тоньше нас связывающие нити,
Хоть их больше становится — значит, как будто прочней...
Почему же такое закатное чувство в зените
Разделенной всецело любви, что тоскую, тоскую по ней?..

1998

* * *

Кабы любовь — другое дело...
Но так... ищите дурака!
Не удержала — а хотела —
Волшебный стебелек рука.
Прodelать дырочки в тростинке
И дуть, выживая звук, —
Всего-то... Мы же по старинке
В плену мыслительных потуг
Завязли, и ушла Камена,
И заскучало сердце — черт! —
От вялой честности рефрена,
От слов, в которых лишь учет
Реалий, обстоятельств. Тошно
Держаться в рамках, ждать, следить.
А правду только лишь и можно
Внутри иллюзии родить.

1998

* * *

Ближе — нельзя. Потому что иначе
Аннигилируют чувства в пределе.
Нынешним летом, пока мы на даче
Были, я понял: есть в психике, в теле
Области странные — «черные дыры»,
С ними опасно любое сближение.
И потому-то от страсти-проныры
В тайне душа совершает движение.
Вместе способны мы лишь удержаться
Рядом в черте проведенного круга,
И оттого навсегда нам бояться,
Как бы терять перманентно друг друга,
Как бы тянуться друг к другу, стремиться,
Так же, как тянется все живое,
Чтоб возникало на этой границе
Вечное поле любви силовое.

1998

* * *

Ну развлекись хоть чем-нибудь
Еще, ну отвлекись!.. Сегодня
День чудный: солнце тычет в грудь
Свои сверкающие сходни;
По ним с небес поток огня —
Стремленья к жизни, сгустки воли.
Для лука, может быть, фасоли,
Но нет, увы, не для меня.
Неприкасаемой душе
Что ласковое колыханье
Кустов кудрявых на меже,
Пчел увлеченное старанье,
Разгоряченный дух земли,
Кузнечиков веселых трели!
Желания, что так хотели
Осуществиться — не смогли.
И не могли... Затем-то, видно,
И были в сердце втеснены
Те чувства, о которых стыдно
Теперь... мучительные сны
На той черте слепых усилий,
Куда надежда не зовет,
Чтоб, соблазнившись, мы вкусили
Запретный пониманья плод.

1998

* * *

Все то, что здесь не свяжется никак,
Соединяется пугливо под покровом
Сна. Так что душу тихо лечит мрак,
Лукаво соблазня миром новым,
В котором тайно осуществлено
То главное, и потому легчает
Тупая боль, гнетущая давно,
Любовь любви любовью отвечает,
Где умершие — живы, где песок
Прибрежный, море, сосны по откосам,
И можно спать и спать, еще часок
Ленивым грезить сном простоволосым.
Его срекозки по веленью фей,
Должно быть, навевают на ресницы.
Так засыпай же, засыпай скорей,
Чтобы от этой жизни пробудиться.

1998

* * *

Этого долгого-долгого взгляда
Звезд нам не выдержать — да и не надо,
Пусть в миллиардолетьи своем
Сверху из мрака взирают тоскливо,
Как неразборчиво и суетливо,
Непродолжительно, жадно живем,
Что-то наладить пытаемся тщетно...
Эти огни все горят безответно,
Пламенем синим слезясь и дрожа,
В вакууме, в беспредельности сирой.
Чудится: будто с окраины мира
Вечная к смертной вызывает душа.

1998

* * *

Только писать. Графоманией пусть
Это зовется — какая разница,
Если преодолевает грусть,
Смертную скуку душа-проказница.
Ей бы себя лишь заговорить,
Не поддаваясь миру невнятного,
Жизни, несущейся во всю прыть
К финишу, в общем-то, малоприятному.
Все поэтические клише
Перебирая с детской серьезностью,
Радуйся, радуйся, ты уже
Спелся с беспочвенностью, одиозностью,
С той бесполезностью ремесла
Звучного Метилены и Аттики.
Это как сбросить с себя дела
Важные, чтобы играть в солдатики.

1998

* * *

Как если бы в землю сажая
Двухлеток-отводок тугой,
Я знал, что его урожая,
Цветенья дождется другой.
Хлопочешь все, сеешь и холишь? —
Сухая, колючая взвесь
Семян. Я садовник всего лишь:
Пусть как на ладони ты весь —
Что толку! Не ласковый полог,
А гладкий зерна холодок,
И долог, бессмысленно долог
Глухой возмужания срок.
Он больше разлуки скользящей,
Он дольше смирения лет,
И жизни самой. Предстоящий,
Невидимый, милый, — привет!

1998

* * *

При переводе с сербского на хорватский
Словно бы осуществляешь процесс дурацкий,
Те же слова в латиницу обрядив,
Звуки, почти что те же, другому строю
Графики поручая, дурной игрою
Как бы разнообразя один мотив.

Вот ведь и плоть — одна. Но она мужская
Или же женская. Два разнополюх края
Рядом — и Сава столицы одной волной
Ласково подмывает, слепящим плесом
Радуя. Ей-то, бесстыднице, по откосам
Резво бежать к Дунаю — в тот мир иной.

Так что вода свободнее и мудрее
Нас. Мы за Сербию вступимся, не жалея
Западных грез, ватикано-афинских школ,
Ибо того, чем считаемся, нет в помине
В сербско-мужской или женско-хорватской глине.
И Диоген с фонариком не нашел...

1998

* * *

С какой изнанкою скандальной,
Негероичной, бытовой
Монументальный строй печальный
Стихов, воронежской травой
Поросших, снимок моментальный
Угрюмой тучи грозовой!
А там — в прогнившей подоплеке —
Обезображенный испуг,
Сионской хитрости потуг
Потоки, жалобы и склоки,
И гибель скорая сам-друг.
Так где ж, яснеющих в Тоскане
Холмов волнистая гряда?
Все там же? — В этой смрадной ране,
Откуда хлещет без стыда
Кровь, сгустками слепых желаний,
Где страх рубцуется, беда?
Быть может, знают только осы,
Сосущие земную ось,
Как стать безумью удалось
Той музыкой многоголосой.
Где взлеты жизни, где отбросы?
Что с чем таинственно срослось?

1999

* * *

Вот странно: я сразу понял — ты не приедешь,
Едва лишь в трубке услышал голос.
Пока дальнейшего ждешь — заметишь
Опушку пыли, приставший волос
К пластмассе красного аппарата;
Блокнотик ручкою ковыряя,
Следишь, как звуки идут куда-то,
Последний жалкий свой смысл теряя.
Слова, рождающиеся неизвестно
Где и подкрадывающиеся к уху.
Ты не приедешь... Какая бездна
Пустого времени! Повитуху
Найдем для вечера, ожиданьем
Обремененного, — Музу что ли?
С тростинкой звонкою, с состраданьем
К любви, к бесхозной ее боли.

1999

* * *

Это весна, у которой — ни совести, ни стыда.
Что ты со мною делаешь! — Просто беда,
Просто из рук все валится, просто с тобой
Я не виделся две недели и целых три дня
Не увижусь еще. А в трубке опять отбой...
Не весна, а просто какая-то западня.
Если хочешь любить — люби, что тут еще сказать...
Если желают боги кого-нибудь наказать,
Вроде меня... если все тает, тает, тает, тает вокруг —
Кому пожаловаться на себя? Вот опять, опять...
Я хватаюсь за голову и понимаю вдруг:
Этого, в принципе, не избыть, не пережить, не исчерпать.
Так что все безнадежно, слава-те-господи, навсегда!
И будешь ты или нет со мною — почти мираж.
Я и сейчас уже там, где теряются без следа
Шепчущие признания губы, прожитые года,
Мир сумасшедший наш.

1999

* * *

Что с собою поделать — не знаю! Как будто
Что-то, в самом деле, надобно делать с собою.
Потому как голос... мой голос — еще минута —
Задрожит позорно, и вот уже нет отбою
От испуганных этим жарким столпотвореньем
Чувств. То вспышки какие-то, то провалы.
Льдинкой тающий разум, обласканный днем весенним,
Помрачения приступы, радости небывалой.
Так легко-легко умирать, воскресая снова,
Ничего не помня и ничего не зная,
Будто есть всему, случающемуся, основа,
Эту нашу жизнь подсвечивающая, — иная.
Даже слушая голос загнанный Пугачевой,
Возвращаясь поздним вечером на маршрутке,
Благодарен ей в преддверии встречи новой,
О которой только и... вот уж вторые сутки.

1999

* * *

Жизнь — она совсем не то, чем кажется
Нам, не путь скорбей, не пьедестал
Инобытия... Потом уляжется...
Свой дневник сегодня я листал.
Двадцать лет прошло. Чем озабочены
Память, совесть, разум — боже мой!
Все при мне. Присесь на край обочины,
Закурить, не торопясь домой.
Есть минута странная, весенняя:
Смотришь и не знаешь... будто вот,
Повторяясь, лишь одно мгновение
Много лет в душе твоей живет. —
Воздухом вечерним легче дышится,
Небо гаснет: синим голубой
В вышине становится, колышется
Только что обметанный листвой
Тополь, похороненная заживо
Вновь ползет трава по кромке плит.
И тебе все, что забылось, зажило,
Смолкло, еще только предстоит.

1999

* * *

Алексею Пурину

Знаешь, сон твой, наклонившись над которым,
Боги умерших веков устало ждут,
Мне знаком. Берут иллюзию измором:
Где-то там все совершается — не тут.
Там, где нет нас — и не важно, ледяные
Это Альпы или Сербии холмы,
Берега Самофракийские, иные
Дали дивные, где были, будем мы.
Были, будем... и сегодня, засыпая,
Как бы тайно попадаем в закрома
Вечности. Пусть, снегом белым засыпая
Мир, царит Гиперборейская зима!
Мы с тобой вдвоем за рюмочкой, скользящей
В пальцах, уплывем, закрыв глаза,
В кущи Элизийские, в Цитеровские чаши,
Где чело ласкает дикая лоза
Молодости, где понятливей и чище
Тело самых смелых помыслов души,
Где не возвращаются к любви на пепелище
И не надрываются за жалкие гроши.

1999

* * *

На самом деле правильнее б было
Их не печатать вовсе, не читать
Другим. Что уже вылилось, застыло —
То умерло. Раскрытая тетрадь
Похожа на хранилище скелетов.
Культура вся — раскопки: черепки,
Слежавшиеся кости. Разве это
Мог ждать от улетающей строки,
Когда она рождалась? Знаешь, дело
Не в том, что мысль была не хороша,
Не в том, что чувство слова ослабело,
Не в том, что не откликнулась душа,
А в том, что жемчуг блекнет, кровь немеет,
Язык ветшает, вековой гранит
Крошится. Разве даже время смеет
Задуматься, какой в себе хранит
Безумный сгусток жизней, упований,
Убитых снов, окаменевших тел,
Святынь в гноище глеющих и рвани?!
В забвении?.. Ты этого хотел?!
Забуть! Забуться!.. Ничего не надо!
У смертных смертно всё. Тогда твое
Одно мгновение — в котором и награда,
И смысл, и счастье, и небытие.

1999

* * *

Что этот человеческий рубеж —
Двухвековой любви и почитанья
Пред той безмерностью, раскинувшейся меж
Знакомым нам и тем, чему названья
Не подыскать во тьме миллионов лет?
Какой уж там избранник и поэт,
Бессмертья памятник, кумир нерукотворный!
Река времен любой изгладит след,
И дальше потечет дорогой торной.
И Пушкин потому принадлежит
Нам, смертным, а не вечности суровой,
Пока, как сказано, хотя б один пиит
В подлунном мире произносит слово,
Пока язык живет, душа парит,
И терпит нас ревнитель-Иегова.

1999

* * *

Опустошенность и усталость,
И раздражение от тех
Признаний, что вчера, казалось,
Тебя несли куда-то вверх.
Так легкий шар, проворней белки,
Карабкается в небе ввысь,
Но только силой (убедись!)
Подъемной — газовой горелки.
И наш полет приспособленья
Такого требует. Нужна
Любовь... надежды ослепленье,
Ну, на худой конец, вина.

1999

* * *

Сбывшиеся желанья куда увлекают тебя,
В какое новое состояние, в котором не сможешь врозь,
И что остается делать теперь, не просто любя,
Но и отвечая как бы за все, что сплелось, срослось?
Все эти подспудные мелкие жгутики, корешки...
В кипенье зеленом крон угадываю испуг.
Коряво и как-то невнятно подкатывают стишки,
Но, не узнавая привычной формы, теряют звук.
А потому, что требуется не жизнь отдать
До конца, целиком другому сейчас и здесь,
А каждый день что-то взваливать на себя неприметное,
уступать,
Соглашаться, пока уже не согласишься весь,
И не раз навсегда, а снова и снова. Любовь
Безответная разве способна такое понять, разделить!
А ведь не подменяли сердце, не переливали кровь,
Не учили заново двигаться, есть и пить...

1999

ПРЕЛЮДИЯ

(из Ф. Г. Лорки)

И тополя проходят, но отражения остаются,
И остается нам ветер с мотивом его печальным,
Ветер, накрытый длинным небом, плоским, как блюдце,
Эхом своим плывущий по рекам дальним.
А в темноте светлячки загораются огоньками
Воспоминаний, которым всё когда-нибудь отдается.
И сердце, маленькое мое, словно стиснутое руками,
Замирая, между ладонями бьется.

1999

* * *

Всё сбывается, только — увы — ничего не значит
Наложенье желания на возможность осуществленья.
И на Наксосу новом опять Ариадна плачет,
Как тогда. И лоза Дионисова средостенье
Обвивает памяти, горестно уходящей,
Возвращающейся туда, где на палубе со спасенным
Обнималась ею из крито-микенской чащи
Лабиринта выведенным, веселым таким, влюбленным.
Неужели и поцелуи не передают дыханья,
И объятья не делают неразлучными, и все нити
Путеводные рвутся во мраке? Свои старанья
Для иного чего-нибудь (но не счастья) приберегите!
А когда ждала рассвета и возвращенья
Молодого героя из склепа урода-брата,
Трепетала как, как надеялась на прощенье
И судьбу молила о счастья виновато!

2000

ПОРТРЕТ

Пять сотен лет назад дышала эта грудь,
И волосы на бархат ниспадали
Волной, и можно было повернуть
Чуть голову, и поменять детали.
Но, вечностью подхвачен, он застыл
Таким и смотрит неподвижно, прямо
На то, как время нам заходит в тыл,
И тонкая сползает амальгама
Мгновенья этого, и я, еще живой,
Здесь, не соотнося, не понимая,
Стою, вращаю глупой головой.
А рядом тьма колышется немая...

Толкались долго в очереди, в той,
Которая лишь кажется пустой,
Передней. Вздохи тайные грядущих
Существ томили сердце. Что ж... Теперь
Лишь замечтаешься — поскрипывает дверь,
А там за нею — мириады ждущих.

2000

* * *

И опять то же самое объясняя, — в который раз! —
Силясь высказать всю невозможность любви и муку,
Безнадежно вдруг ощущаешь тупую банальность фраз,
Вызывающих раздраженье в другом и скуку.
Лишь однажды можно слово произнести
В несказанный, неотвратимый момент признанья.
А другого раза не будет у нас, прости,
И другой такой возможности осознанья.
Ибо если душа твоя не способна длить,
Возрождать в себе изначальное ощущение
Понимания, то словом не победить
Пустоты, усталого равнодушия, отвращенья.
И тогда молчание. Тогда только горечь губ,
Остающихся полусомкнутыми, тогда... Да что я
Повторяю все это бессмысленно, словно ввинчивая шуруп
В штукатурку, не сладивший с немотою!

2000

* * *

Ну что еще? — Меня не любишь ты.
Ночные пересуды темноты
Так и не ставшие ничем, ничем в итоге —
Ни нежностью, ни состраданием тел...
Бессмысленно: но жалки и убоги
Твои желания, когда не захотел
Другой. Душа томится на пороге,
Не в силах чуждый перейти предел.
Пусть за тебя дыхание морей,
Ветвей ночных внезапные порывы,
Береговых и звездных фонарей
В крошечной тьме густые переливы,
Пусть за тебя израненный закат,
Бред пряных трав, смещающийся к югу
Осенних птиц над городом парад,
И сказанные некогда друг другу
Слова, и Боги, слышавшие их,
Пусть за тебя... Неуловим — что толку! —
Тот, кто не хочет, из миров иных
Пришедший и ушедший втихомолку.

2000

* * *

Когда любовь, которая так долго изучала
Тебя, так пристально, уходит в свой черед,
Ты чувствуешь тоску, ты думаешь сначала:
Уловка новая, подвох или расчет.
И весь сжимаешься. Мы были в Сан-Марино:
С площадки смотровой открывшийся простор,
Туман, выброшенный, как рыхлая перина,
Вдали на контуры пологих синих гор,
Так, что я сразу узнавал пейзажи
Умбрийцев ласковых, вбирающие свет.
Но грусть давнишняя, стоящая на страже,
Касалась нехотя раздумий и замет.
И вдруг... повеял ли то ветерок удалый,
Лицо ли нежное в толпе увидел я,
Мне стало весело, мне как-то полегчало,
И в сердце ожила горячая струя.
Освобожденья боль, предчувствие утраты...
О, не удерживай, не жди, не вымещай!..
Прощай, прекрасный мой, ни в чем не виноватый,
Крылатый гость, безжалостный, прощай!

2000

ФОРУМ

Сюда с неутоленными страстями
И затаенным — каждый со своим —
Стыдливым ужасом, неожиданными гостями
Пришли, минутные, где вечный дремлет Рим.
И зной, лениво заливший руины
Изрезанных тенями арок, ниш,
Ложился нехотя на головы и спины,
И голоса заглатывала тишь
Нездешняя. Как будто бы проснуться
Пространство силилось, и прорывался вздох
Прошедших здесь, сумевших прикоснуться
К потоку жизни канувших эпох.
О, сколько тут слежавшейся обиды,
Погибших сил, ушедших за гроши
Честолюбивых грез, выдавших виды,
Страданий тела и болей души!
И что же, ты рассчитываешь, глупый,
В копилку эту мировых утрат
Добавить? — Брось! Вперед ведут уступы
Обрушившихся храмов и палат.
Дворцов провалы смотрят с Палатина,
Никем не узнан Цезарь и Нерон.
И всеединству мира все едино,
Кто ловит шорох пиниевых крон.

2000

* * *

Во всех тех странах, солнцем позлащенных,
Незримо ты всегда была со мною —
И в репликах, и в мыслях, обращенных
К тебе, ночной хранимых тишиною.
И вот тобой незанятые крепи
Пустоты и как будто оживали.
Так, находя в окаменевшем пепле
Помпеи полости, их гипсом заливали.
И получались белые фигуры,
И обнажались черточки и складки...
Не продолжай метафоры понурой —
У нас с тобою будет все в порядке.
Но почему-то именно среди мертвых
Тех улочек, где время запоздало,
Твоей улыбки и шагов нетвердых
Мучительно мне так не доставало.
Пузыристая кожа кладки грубой;
Везувий дремлет в беспробудной дымке.
И что-то тихо сами шепчут губы
В ответ моей далекой невидимке.

2000

* * *

В году недели три, а то и две недели
Дано мне уделить любимому труду.
Чуть осень на дворе — и Музы присмирели,
Бог торжищ и забот, труби в свою дуду!
Как странно, полтора десятка из трех сотен
Дней быть самим собой и чувствовать, как тот
Мир удивительный, что явен, хоть бесплотен,
Уму свободному сигналы подает.
Заглянем и чуть-чуть побродим, где ходили
До нас немногие в тени прозрачных кущ.
Их видел Рафаэль, и вот — в прекрасной были
Своей запечатлел и лавр, и этот плющ.
Умерим свой восторг и любопытства пылу
Не станем потакать, и времени в обрез
К тому же, чтобы их тревожить через силу —
Пророков, грешников, изгнанников, повес.

2000

САН-ПЬЕТРО

Поразительно то, что при всей-то громоздкости —
Наш поэт ошибается — тяжелой скалой
Божий храм не прижат нерешительно к плоскости,
А парит, а гарцует над ней, удалой.
Площадь гулкая вертит своей колоннадою;
По ступенькам, ведущим все вверх и вперед,
Поднимаешься — встретиться с легкой громадою,
А она, на тебя надвигаясь, растет.
Эта мощь деловитая, святость настырная,
Мрамор папских надгробий, паломников рой,
Цитадель Свят-Петра всепланетно-надмирная
Католичества, высящегося горой.
Не боится понтифик ничьей конкуренции —
Что там порнозвезда, что актер-херувим!
Сыновья постарались Перуджи, Флоренции
И, конечно же, Рима. О, царственный Рим!
И подходишь когда, а апостолы нервные,
Словно вихри (Бернини!) вокруг алтаря
Поднимаются ввысь, ты ли, сердце неверное,
Замираешь? И голубь нисходит, горя¹.

2000

¹ Над алтарем, точнее, над папским престолом работы Бернини в соборе Святого Петра находится чудесный витраж, изображающий Святой Дух в виде голубя.

ПИЗА

Сколько раз отображенный открытками,
Кадрами, клипами стершийся вид...
Господи! Все шито белыми нитками —
Только вошли и взглянули — СТОИТ!
Что нам, питающимся заморозками,
Приготовляющимся в виртуал
Кануть, ажурная, белая, с блестками
Мрамора (даже ее не узнал)
Рядом, живая, теперь уж воочию
Видимая красота, нагота!?
Сравнивая, потрясенно ворочаю
Взглядом: да нет, совершенно не та!
Нежности и незащитной стыдливости,
Не угадав их, нельзя передать.
Все остается по Божией милости
Тем, кто умеет стремиться и ждать
Встречи. И — верю Твоей справедливости —
Непостижимая, будет опять!

2000

* * *

Лишь перед подлинниками его работ
Впервые я за много-много дней
Почувствовал уверенность, что вот,
Все правда, так и будет: нас спасет
Живое пламя красоты, верней,
Точнее невозможность повторить
Ее, подделать, выдать дубликат.
И, значит, можно смело дальше жить —
Нас не заглотит виртуальный ад.
Одна реальность и любовь одна!
Что делать, репродукции простим,
Что верим ей, не зная полотна,
И за глаза, податливые, льстим,
Что, увлекаем общею молвой,
Горазд себя морочить слабый дух.
Но здесь, пред этой явленной, живой
Его фигурой Ночи вековой
Сомнений нет. Лишь что-то шепчешь вслух.

2000

* * *

Наедине с природой мрачной
Я был, я ехал у окна,
Пока вокруг вагон бивачный
Спал или шурился со сна.
Вертелись дети, о тележку
Рукой облокотившись, тверд,
Старик газеты вперемешку
Читал, разгадывал кроссворд.
Непритязательны затеи
Дорожной скуки. Мне давно
Неинтересны люди все — и
То, что меж них заведено.
Зато разметанные клены,
Кустарник в дробных всплесках сплошь,
Бросающийся на вагоны,
Все нов, причудливо хорош
В кипенье страсти перевозданной,
Стремясь кому-то передать
Ее. Я за борьбою странной
Готов часами наблюдать.
Как будто силится пробиться
Жизнь чужеродная, свой вид
Меняя вдруг. И лишь граница
Стекла ей противостоит.

2000

* * *

Живешь все время с чувством, что потом,
Потом по-настоящему начнется
Жизнь, надо только в среду не забыть
Купить пальчиковые батарейки
К будильнику и на прием к врачу
Зубному постараться записаться,
И наконец в порядок привести
Квартиру — пылесосенье и стирка,
Затем конспекты к лекциям, затем...
А вечерами — телевизор, ибо
Домой вернувшемуся полумертвым,
Как спутникам усталым Одиссея,
Забвения потребен лотос сладкий —
Припасть к Валгалле влажного экрана,
«Уснуть и видеть сны...» — вот и ответ,
А то еще — «Остановись мгновенье...»
Но жизнь — вот та, та самая, что мимо
Сейчас твоих проходит ожиданий
Преддверием, отложенным предлогом —
Готовиться и ждать (скажи, чего?) —
Она, быть может, и не настоящей,
Зато твоей единственной была.

2000

* * *

Двухтысячный... И вряд ли заглянуть
Удастся за две тысячи тридцатый...
Кем это выбрано, когда пускаться в путь
Нам и когда дойти, болезни и утраты
Скопив под занавес и память надсадив?
Шлюз закрывающийся, лязг громадных створок...
Мой ангел ли хранитель нерадив
И тороплив? — А подождет 6 лет сорок,
И вот — другой открылся бы просвет.
А так... А так туда дороги нет.

Без нас погибнет мир или спасут
Его без нас те мириады ждущих.
На пир Богов билет, на Страшный Суд
Вручен не нам, предвестникам грядущих
Порталов тьмы и ужаса аркад,
Не нам, любующимся ныне на закат.

Счастлив свидетель роковых минут,
Но что сказать о том, кому последним
Придется быть, замешкавшимся тут,
В уже проигранном пятисоттысячелетнем
Противоборстве с миром? Что же ты
Все ищешь там — во тьме его следы?

2000

* * *

Мне сорок. Как случилось так?
Когда? На одеяла край унылый свет ложится.
А ты еще надеялся, дурак,
Успеть с своим тридцатилетьем сжиться!
Как будто кто-то нас предупредит
Заранее... еще, скажи, согласишься спросит!
Смеешься, да? — Жизнь выдана в кредит.
Им все равно, когда душа износит
Доставшееся тело. — Заплати!
Болит спина, теснение в груди...

А тем, кто слушает меня сейчас, тая
Усмешку горькую на молодые вздохи,
Скажу: бог даст — и сам однажды я
С границы дальней рухнувшей эпохи
Смогу взглянуть завистливо назад —
На то, как счастлив был, не чувствуя при этом,
Что счастлив, что еще ни ужаса утрат,
Ни немощи — живи, дыши теплом и светом!
А вот не дышится... Не всунуть, видно, рай
В щель узкую забот сегодняшних. Он тенью
Скользит за нами вслед всю жизнь — туда, за край,
Где мы готовые замрем к соединенью.

2000

БЕРЕГ АТЛАНТИКИ ПОД НЬЮ-ХЕВЕНОМ

Потому ль, что пространство выталкивает непривычные
для него

Наши тела — так минуты сейчас скользят,
Что не удержаться. На дне все до одного
Видны лежащие камешки, и берег лагуны взят
Долгим взглядом, который трудно остановить.
Приехали, чтобы отметить, на океан посмотреть
С другой стороны. Не знаю я, как любить,
Как жить, как хранить все это — и потом умереть
Или расстаться. Холодно и светло,
Серое небо сверху, а снизу — сырой песок.
Но сожалеть унизительно и жаловаться западло,
В особенности тому, кто однажды сам пересек
Это неизмеримое ниоткуда и в никуда.
Так оставшиеся пассажиры «Титаника», должно быть,
смотрели вслед
Переполненным шлюпкам, и подступала вода
Черная, что-то бессмысленное нашептывающая в ответ.

2000

* * *

Все эти башни в огнях, стоэтажные,
Все это разнообразие в фауне
Автомобильной, смешные и важные
Люди в Сохо и в Чайнатауне,
Вся эта двигающаяся, шумящая
Жизнь, плодоносная, как смоковница...
Она в самом деле есть? Настоящая?
А не просто то, что мне помнится
Или снится ночами? Месиво
За окном, снеговое крошево.
Смотрит осень в глаза невесело.
Да и в правду, что тут хорошего?
Странно знать, что есть Пенсильвания.
Но никак из этого знания
Содержанье не извлекается.
Там, на том конце мироздания
Только эхо и откликается.

2000

* * *

Диме Бураго
17 мая 2001 года

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь, как помнится, природы красотам —
То берег Ладоги, то в дымке Аппалачи,
Весь мир, распахнутый внимательным глазам,
Элизий Франции, Америки сезам,
И не представить уж, что может быть иначе.

И Метрополитен тебя, и Ватикан,
И Лувр приветствуют, божественный чекан
На сердце нанося *восторгов умиленья*,
А вечерами стол изыскан и стакан
Вином искрящимся скрепляет дружбы звенья.

Вот счастье, вот права! И кажется ему,
Уже пригубившему Черной речки тьму,
Что лишь покой нам надобен и воля.
Да, жизнь как чаша щедрая полна,
Но сколько бы ни выпил — нету дна
И хмель нестоек счастья-алкоголя.

2001

* * *

Уже и в запахе тревожит опьяненье,
Пока глотками пью кальвадос — кальвадос.
Беспечно Франция меняет ударенье
В словах Испании, как будто не всерьез
Относится к своей соседке милой.
Я, впрочем, это все пишу сейчас затем,
Чтобы название память сохранила
И привкус яблочный беседы нашей тем.
В три ночи на строку невольно наползает
Строка, и светится экран исподтишка.
Не знаю кто, но кто-то обрезает
Конец чуть захмелевшего стишка.
Не знаю что, но что-то нам поможет,
Не знаю где, но где-то там опять
Глоток кальвадоса (запомнил!) растревожит,
Болтать захочется, стихи свои читать.

2001

ПОСЛЕ АМЕРИКИ

Эти дуга, залитые солнцем осенним,
И горы в дымке вокруг,
Велосипедный восторг с его обостренным зрением
И напряжением ног с непривычки, рук,
Этот воздух свободный, легкий, почти эфирный,
Неправдоподобная аккуратность и чистота
Природы, жизни самой запредельной и сувенирной —
Для нас, конечно, только для нас, потому что судьба не та.
Я и сейчас не знаю, был ли там или просто
Книгу читал и ненароком заснул.
Реальность ведь придает нам жизненная короста
Быта и суеты, а тут — океанский гул.
Поэтому написать ничего и не смог о сонном
Времяпрепровождении праздничном. Только смерть
Делает все твоим, приближенным и законным,
Уже оплаченным как бы. Вот только не рассмотреть.

2001

* * *

Ведь знал же, что только неделю в цвету
Яблоневые сады,
Что этакую остроту, красоту —
Нет, не удержишь ты.

Ведь потому так сверкает день,
Что наступает ночь.
Попробуй-ка нитку в ушко продень,
Пришей тот блеск, приторочь!

И жизнь кончается просто так —
Вот так, просто так, легко.
Растрескается, пересохнув лак
И убежит молоко.

Никем и ничем не владея, свой
Задерживая лишь взгляд,
Прощусь, благодарен за все, с тобой.
Но не приходи назад...

2001

* * *

Напряжение вечерами —
Не заснуть, не заснуть никак.
Мысли всякие — ну, вы сами
Знаете этот потный мрак,
Эти вымученные позы
Тела, этот горячий слух,
Звуков вялых метаморфозы
Караулящий. Так — до двух
Или даже до трех... Хоть ватой
Затыкай, хоть таблетки пей.
Помнишь, воском придурковатый,
Любознательный Одиссей,
Залепляя ахейцам уши,
Сам тому, что нельзя, внимал,
И, откатываясь от суши,
Мчал корабль белопенный вал.
Ах, и мне бы вот брызг и света,
Света, мачты скрипучих нот,
Чтоб, накладываясь на это,
То прервало унылый ход
Размышлений, самокопаний.
На Итаку мы держим путь.
Свежий, выпуклый, океаний
Ветер. Можно теперь уснуть.

2000

* * *

Как странно, я ведь даже, даже как бы
И не люблю стихов.
Они атавистичны, словно жабры,
У нас земных, у нас, без дураков
Живущих жизнью трезвою и трудной,
Безиллюзорной ставшею почти.
Зачем тогда тот очажок подспудный,
Горящий там, тревожащий: прочти!
И сразу словно новая стихия
Откроется душе.
И не читал, и не писал б стихи я,
Да не могу уже.
В прохладной мгле, в среде глубоководной,
Текучей — весь,
Не слившийся с ней, но и не свободный —
Ни там, ни здесь.

2001

* * *

Если бы еще что-нибудь влекло,
Соблазняло бы!..
Хорошо, когда смотришь сквозь стекло,
Вставший на дыбы
Видишь дачный сад — его ветер мнет,
Им играет свет,
Острый, словно нож, жгущийся, как йод —
Только раны нет.
Раны нет, но был, кажется, рубец,
Потому теперь
Сад дрожит, бежит из конца в конец,
Мечется, как зверь,
Ветки заломив с листьями в горсти —
Да под провода.
Если б даже мог вырваться (пусти!),
То куда, куда?

2001

* * *

Август, который уж год погодой
Неотличимый от сентября..
Ветер крепчает, темнеют воды,
Воздух холодный осеребря,
Дождь зарядил, электрички гулкой
Дробь — словно эхо далеких встреч.
Как-то ни книгою, ни прогулкой
Мне не занять себя, не отвлечь.
Впрочем, и так под домашним пледом
Просто лежать хорошо. Уже
Несколько лет, почитай, неведом
Ужас осенней тоски душе.
Поздно прощаться с озябшим летом,
Думать о будущем, ворошить
Прошное. Только в мгновенье этом
Я и могу еще как-то жить.
Нехотя капля скользит по грани
Гладкой стекла. У окна стою.
Вижу сквозь старости опыт ранний
Жизнь состоявшуюся свою.

2001

* * *

«До встречи в Париже!» — захлопнулись двери
Машины, и машут: «До встречи, до встречи!»
И я помашу... Но довериться вере
Не в силах, что наши пути человечьи
Расчислены могут быть... Два перелета,
Дорога с ночным ветерочком — по коже.
И столько неверных сцеплений, что кто-то,
Когда-то, случайно... Храни же вас Боже!

Я как-то острее теперь с каждым годом
Не струны, не нити — скорей — паутинки
Судьбы ощущаю.

В тот город, народом
Заполненный, праздничных видов картинки
Показывающий, сияющий в славе
Художников, благоволящий к поэтам,
В тот город прекрасный во сне или в яви
Отправимся... Только ни слова об этом,
Тсс! Ведь изваянье еще не готово
Грядущего. Мастер работает. Что же
Так хочется, глупеньким нам, до покрова
Дотронуться, замысел тайный тревожа?

2001

* * *

Сын вырос, а как-то почувствовать маленьким
Его не успел, даже побаловать.
И память по темным углам, по заваленкам
Своим добирает теперь: вот он в пять,
Вот в десять... Мне снится таким непоседою...
Казалось, успеется — всё впереди.
Гуляю, играю ли, просто беседую,
Вины поднимается чувство в груди.
И жизнь, как бы вся-то из необязательных
Одних состоящая скользких минут,
Лишь задним числом в слуховых, осязательных
И зрительных образах явится тут.
Зачем? — Ведь уже неподвижно прошедшее,
Само по себе существуя, без нас.
Откуда же эта тоска сумасшедшая,
Желанье добавить, долюбить?.. А сейчас?

2001

* * *

Вот спала жара — и уже полегчало.
Гулять хорошо в эти тихие дни.
Не сетуй, что мало дается; сначала
Возможности трезво свои оцени,
В себя загляни.
Ведь страсть, ну во-первых, как правило, слепо
Собой занята, во-вторых — коротка.
Не знаю, по-моему, лучше на небо
Ходить-любоваться, крутые бока
Разглядывая облаков на закате
И ало-золотые верхушки дерев. —
Как чудно! Но завтра покажется, кстати,
Не хуже ничуть. Это, перегорев,
Несчастная страсть, что ей делать не знает
С итогами завоеваний, потерь,
И желчно, и неблагодарно пеняет
Желанному, ставшему лишним теперь.

2001

* * *

Страсть потому слепа, что не видит дальше
Самоосуществления и подчиняет всю
Жизнь промежутку краткому, этой слепящей фальши,
Этому голливудскому I love you.

Горестна не неудача, а утоление,
Прежний кумир превращающее в гнилье.
Жизнь, она больше, длиннее любого желанья, звенья,
Свои налагающего на нее.

И потому да будет свободна душа отныне,
Птицы да звезды ей сестры, и братья все —
Ветры, буруны моря, пески пустыни,
Гулких степей просторы в ночной росе.

2001

* * *

Знаю ведь, что не приедет, но повод
Есть к ожиданью. Минут через двадцать,
Словно кусает назойливый овод,
Смотришь в окошко. Легко догадаться

По доносящейся дроби железной,
Лязгу колес, что пришла электричка.
Впрочем, и ждать-то уже бесполезно,
Если б не взявшая силу привычка.

Чувством каким-то по глупости свяжешь
Тайно себя, ему выделишь нишу,
После еще удивляешься: надо ж,
Как от других безобразно завишу!

День не задался. Да ну вас, ей богу! —
Канули планы все. Не потому ли
Ждешь, поминутно глядя на дорогу, —
Чтоб их каким-нибудь чудом вернули?

2001

* * *

Тесть приехал — и сразу на даче
Стало как-то бездомно и тесно.
И читается, словно, иначе,
Да и книга мне не интересна.

Не мои уже эти минуты,
Не развалишься всласть на диване.
Ой, вы, благопристойности путы,
Чувств семейственных кукиш в кармане!

Все мы самостоятельно, право,
Жизнь растратим свою бестолково.
Так что злоба твоя и растрава
Лишь досадны — увы — для другого.

И труднее всего, может стать,ся,
На сочувствие это решиться.
Тут с самим бы собой разобраться
Иль хотя бы на даче забыться!

2001

* * *

Какое-то странное есть равнодушие,
Спокойствие ни на чем не основанное,
Но смотришь, слова возбужденные слушая,
Почти отстраненно. Во мне замурованное
Как будто живет понимание целого
И предощущение неизбежного.
В такие минуты значение прелого,
Осеннего, чуть горьковатого, нежного,
Тревожного запаха листьев, что кучами
Лежат под ногами, важней, убедительней
Тебя, заливающейся горючими
Слезами, хотя я люблю все мучительней,
Сильней с каждым годом. Но вот — не жалеется
Сейчас. Словно знаешь: и это уляжется,
Пропажа — найдется, разбитое — склеется,
И жизнь не такой уж безбрежной окажется.

2001

* * *

Мы, жизнью застигнутые врасплох,
Наивно надеемся, что черновик
Дадут еще набело выправить — ох,
Учтен и единственен каждый миг.

И все неразборчивые места
Чернилами красными обведут.
Условия жестки, но очень проста
Игра — та, что тут

Разыгрывается. Лети, мотылек,
Судьбы незадачливый абитуриент.
Как призрачен, как невозможно далек
Счастливым момент!

Нас столько таких здесь на место одно
(И если еще не учитывать блат)!
Ты сам, хоть дальнейшее предрешено,
Во всем виноват.

2001

* * *

Наверно, не надо жалеть ни о чем...
Да, в сущности, мне и не жаль.
Вот память, своим отпирая ключом
Прошедшее, щурится вдаль.

А там подзабытые лица встают —
Я помню не все имена,
Пять-шесть городов, мне дававших приют,
Родная — другая страна,

С зелеными волнами ласковый пляж,
Сухумская галька и кварц;
От стрел самодельных мальчишеский раж —
Тогда не играли мы в дартс.

Ты думаешь: все, разошелся поэт,
Теперь ожидает нас ряд
Картин, подростковых признаний, примет —
Работа, любовь, детский сад.

Отнюдь. Полагаясь на опыт и вкус,
Ты волен продолжить. — Вперед!
Тем более каждому собственный груз
Забывать о себе не дает.

А я подожду, отдохну — потому,
Что музам без разницы ведь,
Какие следы сквозь слепящую тьму
Пытаемся мы разглядеть,

Какою терзаемся давней виной,
Что скаречно в памяти длим.
Они не причастны заботе земной
С безжалостным пеньем своим.

2001

* * *

Тогда за день увидев главное,
Устав от бдений туристических,
Смотрел на перекаты плавные
Зеленых волн адриатических,
Смотрел, не видя, ждал отплытия,
Почти без мыслей, без желания,
Все мелкие свои открытия
Перебирая на прощание.

Поднадоевшая Венеция,
Жара, стекла цветные льдинки.
Теперь — как странно — отвертеться я
Все не могу от той картинки.
Как будто там, к шесту привязана,
Душа гондолой черной вьется,
Как будто что-то не досказано,
А досказать не удастся.
И проступают краски нежные,
Глухим дыханием сирокко
Все ближе к сердцу безнадежное —
Зовет, зовет меня далеко.

2001

* * *

Чтобы стихи писались, в общем-то, и не надо,
Кроме свободного времени, никаких
Средств вспомогательных. Чистая радость взгляда
И полнота минуты — вот что питает стих.
В сущности, мысль любая, встретившееся слово,
Вспомнившийся мотивчик, жест, выражение глаз —
Все превратиться в повод и предложить готово
Тему. Хотя б вот эту: как, зажигая газ,
Несколько раз обжегся — быстро сгорали спички,
Но все равно лиловый, нежный расцвел цветок...
Дальше — работа слуха, честности и привычки:
Сразу ловить лукавый, тайный полунамек
Рифмы и смысл с дыханьем объединять размером.
Впрочем, все это скучно долго перечислять.
Я вот не знаю, как быть с начатым мной примером,
Ибо (вы догадались?) — времени нет опять.

2001

* * *

— И зачем, столько стихов, столько картин?
— А столько людей? Ну как?
А миллионы лет, закованные в хитин,
В живородящий мрак?

И если бы не свидетели — ящеров костяки —
Смогли б мы вообразить
Всю протяженность бесцельную временной реки?
Хочешь меня искусить

Бесполезными вопрошаниями? — Потому что логика тут
Всегда против нас,
Потому что, наверное, никого не спасут —
Их-то Он не спас,

Потому что происходящее — увы! — происходит без
Прошлого, и смешны
Прячущиеся трусливо под будущего навес, —
Лучше просто — сны.

Только сейчас — сочащийся жизни срез,
Словно смолистый и свежий распил сосны.

2001

* * *

«Зимой обчистят опять, вероятно», —
Ты думаешь, дачу свою закрывая...
А день замечательный: желтые пятна
Опавшей листвы на крыльце, у сарая.

Пространство прозрачно настолько и пусто,
Что свет собирается в яркие нити.
Уж это мне нежно-тоскливое чувство
Всех наших прощаний и дальних отбытий.

Сейчас бы не к станции — на электричку,
А между деревьями — прямо на речку,
За ручку, и, вырвав пустую страничку,
Дать высказаться ретивому сердечку!

Нет, хватит стихов. Лучше — в лес, на охоту
Грибную. Во мху уже ждут сыроежки,
Горькушки — ну, этих-то будет без счету...
Что только не нафантазируешь в спешке,

Сезон завершая, с кошелками стоя,
Дыша глубоко, ожидая попутку.
Полдня — и пойдет уж плясать ретивое
Там под городскую, знакомую дудку.

2001

* * *

А. Кушнеру

Ощущенье мягкой южной пыли —
Вот какой ты, Кносс!
Камешек оттуда мне вручили —
Друг-поэт привез.

А еще две яркие, как крылья
Бабочки, строфы:
Утомленной памяти усилья,
Чьей-то жизни швы,

Стыки мифологии и лени
Милой, отпускной.
Представляю, как вели ступени
В этот мир иной.

И теперь, держа в ладони гладкий
Камешек-биток,
Чувствую (хоть вроде все в порядке)
Тайный холодок.

2001

* * *

Говорила Сапфо богиня, с высей
К смертной снизойдя, воробьиной стаей,
Тянущей воздушную колесницу,
Царственно права:

— Не печалься, тот, кто тебя не любит,
Скоро сам стрелой пораженный в сердце,
Станет тосковать, ничего не видя,
Знать не желая,

Кроме взгляда брошенного, теплее
Прозвучавшего ненароком слова,
Кроме сдерживаемого волнения
В дальнем привете.

— Обещанию твоему, Киприда,
Так внимать душе уязвленной сладко,
Как заре, что розовыми перстами
Тронула горы.

Только, что же он, как в часу десятом
Кронос выгоняет стада созвездий
На луга ночные пастись свободно,
Снова уходит?

Смилуйся, прошу, Громовержца дочка,
Утверди свою непреклонно волю,
Помоги любимому мной исполнить
Данную клятву!

2001

* * *

Начинать бесполезно, затем, что опять
Студень дел бесконечных облепит меня.
В отпуск разве? Да только у жизни не взять
За свой счет ни недели, ни дня.

Потому-то все самое главное мы
На потом отложили уже навсегда.
Каждый год вспоминаю в начале зимы,
Что хотел этим летом... — Да только куда

Уж теперь-то? — В промерзший и вымерший лес!
В нем лишь ветер завывает да дятел стучит.
Так, замешкавшись, гаснет в душе интерес,
И любовь, запоздав на полжизни, молчит.

Я не жалеюсь. Просто стихи приходиться
Стали нехотя так, стали так тяжело,
Что и сам-то не знаешь, зачем это длиться,
Раз забылось почти, раз почти отошло?

2001

* * *

Служенье Муз не терпит суеты...
На что ж тогда рассчитываешь ты,
Урывками меж лекций, аттестаций,
Отчетов, деловых и прочих встреч
Берясь за ручку? Нет, не уберечь
Напева эолийского, Гораций,

Того, что ты латыни обучал
В политиканствующем, прагматичном Риме,
Того, что вслед за одами твоими
В языках ста народов зазвучал,

Но слышится все глуше в наши дни...
О, Муза, эолийскому сродни
Всегда был звук печальный лиры русской.
И вот уходят силы, пыл души
На время смутное, на жалкие гроши,
Борьбу банальную с житейской перегрузкой.

2001

* * *

Этот пасмурный полдень в Версале:
Солнца полосы с разных сторон
Загорались и вдруг угасали
На линейках подстриженных крон.

От натянутых струн перспективы
Словно отзвук серебряный рос.
Мимо статуй, куртин под откос
Шли. К несчастью, свои коррективы
Дождь в прогулку беспечную внес.

И не то чтобы мне было мало
Этих праздничных, легких минут...
Шелестела листва, обступала,
Колыхалась, как гибкий батут,

Гнулась к непросыхающим лужам
И касалась твоей головы.
Но, вернувшись домой, обнаружим,
Что засвечены пленки, увы.

И, наверное, правильно это:
Счастье не оставляет улик.
Лишь в душе — полыханием света
Тот, изъятый из времени миг.

2001

* * *

Алексею Пурину

С восхищением тайным, Бибакул,
Я читал твои строфы и снова
Разве что, замирая, не плакал
От еще раз ожившего слова.

То ли Лазарь с его пеленами,
То ли трепет озябшего тела
Себастьяна... Не знаю, за нами
Кто и что?.. Но пока до предела

Не дошли, продолжай! Только слаще
В сумерки соловьиные трели.
Пусть не вечный, зато настоящий
Звук. А большего мы не хотели.

2001

* * *

Что мы без почвы, без гумуса вязкого
Речи родной неотчетливых уз?
Хоть на Парнас через силу затаскивай
Ставших валютными девками Муз!

К уху народному звуками полную
Раковину приставляя, каких
Ждешь результатов? Попсу уголовную
Перекричит ли тонический стих?

Срезанный стебель хорош для гербария.
Вот твой читатель в потомстве каков!
Даром своим мертвецов отоваривай,
Лирников асфоделийских лугов,

С горацанской засушенной одою,
С бабочкой мертвою пушкинских строк.
Вспомнилось: долго любезен народу я
Буду! — Ну да, размечтался, Пророк!

2001

* * *

Погоди — и об этих с тобой затоскуем
Временах. Необъятной что жизни короче?
Мы сейчас свою зоркую зрелость смакуем,
Длим мгновения, дни сокращая и ночи.

Мне чужих городов очертания снятся,
Столь прекрасные, что просыпаться обидно.
И вообще, предпочтительней не просыпаться,
Потому как, что будет, сейчас уже видно!

В наркотической грезе страна растеряла
Всех детей своих, лучших по миру пустила.
От Таймырских снегов до ущелий Дарьяла
Простирается общая наша могила,

И язык, костеня, становится феней,
И психушкой — прозрачные выси Парнаса.
Вот куда тебя всадник державный, Евгений,
Громяхая, загнал.

До последнего часа

Хорошо бы уйти, затворив за собою
Дверь, не слыша, не видя, не помня, не зная,
Как двуногие твари нахлынут гурьбою —
Самопальных Руси избавителей стая.

2001

* * *

Мне надоело чувствовать себя
Вещателем грядущей катастрофы,
Устали об одном талдычить строфы,
Пугая, негодуя и любя.

Что мне, поэт, до роковых минут,
До пиршеств Всеблагих, их зрелищ грозных!
Хочу зимою ясных дней морозных,
Спокойных снов, пока еще мы тут.

Счастлив, кто посетил... Но с кем сравнишь?
Мы все всегда сюда приходим лишь
Затем, чтоб быть последними. Мерцает
Звезда во мраке гаснущих небес.
О как хочу утратить интерес
К тому, что нас в грядущем отрицает.

Жить все равно приходится сейчас.
Поторопись же, краткий этот час
Не подчиняй готовящимся бедам.
И вот, застигнут ночью роковой,
Смутясь, шепчу: живой, еще живой,
И срок тебе, пугливому, не ведом.

2001

* * *

Потом окажется, что это-то и было
То счастье дивное, которого так ждали:
На службу я ходил и ты ходила,
Ребенок — в школу. Прочее — детали

Ремонтов, переездов, дачных планов,
Покупок, дней рождений, разговоров...
Всех обольщений друг и всех туманов
Блистательных царь свой смиряет норов.

Затем, что нам и не придумать, знаешь,
Чего-то лучшего обычной жизни частной.
Слежу, как ты с улыбкой вспоминаешь
Тот день в Париже серый и ненастный,

Когда мы шли от Сены до Бабура,
А может быть, прогулку в Толмачево,
Вдоль Луги, где лугов зеленых шкура,
И солнце, словно знамя, кумачово.

Неважно, где нам предоставят сцену,
Какие раздадут к спектаклю роли.
Потом, потом... ах, за любую цену
Вкусить готовы будем сей юдоли.

2001

* * *

Весь день за компьютером проторчав,
Играя, в который раз
Почувствуешь: мозг у тебя курчав,
И искры вот-вот — из глаз.

А можно не так, можно двести грамм —
Без закуси, торопясь...
И с кем вчера был, не знаешь сам,
Какая налипла грязь.

Не безразлично ли на каком
Себя пережечь огне?
Куда я словом сейчас влеком,
И есть ли спасенье мне?

Пусть время само по себе идет
На все четыре... А я
Ныряю в черный водоворот,
Дыхание загая.

2001

* * *

Ты и пишешь-то ради того, чтобы чем-то занять
Это время, которому мужество не нашло
Никаких других применений. Зачем пенять,
Зачем подбирать объясненья тому, что произошло

Уже, отступило туда, назад, в никуда?..
Всегда же ведь не *сейчас*, а раньше или потом —
Любовь и счастье, и жизнь сама — струящаяся вода,
Струящаяся вода, которая станет льдом.

Поэтому я могу часами смотреть
На трещинки в потолке, на занавески прядь,
Медленно пританцовывающую. Привычной всего —
Привычной всего, смиряя себя, терять, стареть,

Расстанемся же по-хорошему! Леила забудет всех,
Ей хватит любовников новых, растрачивающих пыл
На жар мимолетной ласки, на яркий манок — успех,
На... Помнишь ли, милый мальчик, как я тобою был?

2001

* * *

Алексею Пурину

Тех вокзальных прощаний, сгущений теней,
Навсегда подступающих слез —
Ничего не придумано здесь страшней!
И в очках растекающихся огней
От дождя золотистый плес.
Разве скажешь, что он с собой увез:
Жизнь саму ли? Главное в ней?

Но, смотри, как губы, дрожа, твердят
В пустоту тупую: «Люблю!»,
Как глаза, цепляясь за всех подряд,
Ждут, как сердце, сродни углю,
Полыхает, как с жалом внедренный яд
Отравляет, как раны твои горят.
Серафим! — не надо — молю!

И теперь ты чудо, как зверь-цветок,
Как тоски и плоти гибрид,
Как пророк, покинувший свой Восток,
Над которым звезда горит.
И такое видится между строк,
Что ни слез уже, ни обид!

2002

ПОСЛАНИЕ, ЗАПРЕЩАЮЩЕЕ ПЕЧАЛЬ

Никаких оснований у нас
Нет, чтобы быть.
Как зажженной конфорки газ —
Потушить и остыть.

Впрочем, нет оснований и чтоб
Не смотреть,
Прижимая к стеклу свой горячий лоб,
Днесь и впредь.

Потому что, когда остаешься лишь
Сам с собой,
Непричастным взглядом уже следишь
За судьбой,

За ее полетом — что дельтаплан
С высоты.
И внезапно видишь подробный план
Этой жизни ты.

В ней не так уж много земных хлопот,
И обид.
Только плоть опять, источая пот,
Свой меняет вид,

Только сбой зубчиков-хромосом,
Только мрак ночей.
Ну а ты, все видящий, — невесом,
Ты — ничей.

2002

* * *

Д. Д.

С жизнью в ее избыточном безобразии,
Как совладаешь? Каждое утро я
Мимо ларьков, роддома иду, гимназии,
Кошек, собак и прочего бытия.

Не увлекают формы в их избытии,
Словно один и тот же лежалый хлам
Бог рекламирует, чуть отерев от пыли и
Грязи, за эксклюзив выдавая нам.

Ну и, конечно, люди — как будто в зоне мы:
Даже и лиц не видно у них, а рот,
Если откроют, такие пойдут «синонимы»,
Мысли такие — ну, просто, невпроворот.

Знаешь, я раньше красивых любил, уверенно
Телом владеющих гибким своим, тугим.
Да только видно, и эта тоска потеряна
Вместе с наивной надеждою стать другим.

Смех еще в том, что обычно в конце задачника
Есть уже все ответы — и всё твоё
Рвение — только усилия неудачника
Переиграть то самое бытие.

2002

* * *

Александр Вергелису

Все забывается сразу, стирается прежде,
Нежели кто-то поймет, как было на самом деле.
«Рукописи не горят», — хорошо говорить надежде,
Не отвечающей ни за что, восторженной пустомеле.

Думаю, мы из прошлого получаем одни обрывки
И черепки, их достраивая до великих
Образцов. Не верю, что время слизало сливки
С эолийских и прочих протяжных напевов диких.

Посмотри, как строфа у Сапфо теряет строку,
И оборвана на полуслове Алкея ода!
Ну и что, что непредставимо от нас далеко —
Как сейчас мы сами, наверное, от народа!

Либо есть контекст — и тогда ощущение меры,
Ощущение смысла рождает любое слово,
Либо нет... И правят балом айги-химеры,
Как и сказано: обло, озорно, лаяй стозёво.

2002

* * *

Ну да, я знаю: здесь — пожива зренью,
А там — сюжет, волнительный для всех,
Тут — каламбур... Глядишь, стихотворенью
И обеспечен в публике успех.

Ведь главное, чтоб можно подключиться
К чему-то было... Посмотри, как он
Печат стихи! Еще одна вещица —
Гербарий чувств, названий лексикон.

Но лишь когда утрачена основа,
И с явленным неявно рвется связь,
Само собою проступает слово
Само собой, у смысла не спросясь.

Он есть — но в глубине, он слишком тесен
Для строк, твердящих что-то о своем.
И слушая обрывки «Тихих песен»,
Мы, плача, ничего не узнаем.

2002

ДОЖДЬ В ПРАГЕ

А в Праге и с небес — стеклярус,
Как будто всех хрустальных ваз
В витринах мало, верхний ярус
Свою, граненую, припас.

И вот она теперь разбита,
Но Стеклодув уже другой
Над башнями Святого Витта
В прожилках молний, дорогой

Богемской вазой серо-сизой,
С наплывами лазурных смальт
Упорно занят. На карнизы
Летят осколки, на асфальт.

2002

* * *

Как жаль, что ты не можешь сразу,
Вытягивая смысла нить,
Одну, всего одну лишь фразу
Случайно как бы обронить,

Чтоб я почувствовал: пробрало...
Маяк свой проблесковый глаз
Не просто паялил в ночь устало,
А все-таки кого-то спас!

Вот шанс, невероятный, редкий:
В словах, запутавшись, душа,
Как в марлевой стрекозка сетке,
Трепещет, крыльями шурша.

Понять — и значит без усилия
Достать зажатые в горсти
Лазурно-слюдяные крылья
И весело шепнуть: лети!

2002

* * *

Больше всего не люблю свадеб и похорон,
главное содержание коих — тот же банкет,
на котором поочередно Гименей и Харон
председательствуют, и места живого нет
на душе, вдруг ставшей прилюдно телом. Остаться б на-
едине с собой и вспомнить, благодаря,
встречи, дни счастливые, нежные имена,
но не здесь... Прости, ты меня приглашаешь зря.
Я вообще ни с кем не умею делить печаль
и, наверное, счастье — тоже. Куда уж тут...
Кружева в гробу похожи на свадебную вуаль.
Без меня вас проводят, поздравят и отпоят.

2002

* * *

Когда и в Кракове, и в Праге —
Многоязыко-ликий мир:
Стекло, буклеты, на бумаге
То Карлов мост, то Казимир
Какой-то (ну, допустим, третий),
Шипят фонтаны, скачут дети,
Куски в витринах янтаря,
И голуби над черепицей,
Я, вглядываясь в эти лица,
Спокойно думаю: все зря. —
Нет, не осилить духу эту
Страсть подростковую к предмету,
К игрушке, к ерунде. Весь слой
Забит культурный битой глиной.
«Здесь были Паша Б. с Мариной», —
Прочтет потомок удалой.
И правильно, нас слишком много,
Чтобы придирчиво и строго
Учить, растить... Зачем?.. К тому ж,
На всех припасены у Бога
Места для наших нищих душ.

2002

* * *

Мы не попали к «Даме с горностаем».
Шел дождь, но ничего — ведь не растаем, —
Зонты раскрыв, пошли, куда глаза
По Кракову бродить — всё сувениры:
Гербы, значки, Ядвиги, Казимиры
И в серебре янтарная слеза.

Терялись шпили острые в тумане,
Последние нащупывал в кармане
Я золотые, чтобы потратить их.
Сегодня день — и всё, пора обратно.
Лишь напоследок розовые пятна
На небе проступили, дождик стих.

Прощай, закат игрушечной Европы!
Мне целый год, тебя увидать чтобы,
Копить придется. Так смотри, дождись!
Я возвращаюсь в край, где нет заката
И нет рассвета, только виновато
На землю смотрит ледяная высь.

2002

* * *

В этих толпах... А звезд только в Млечном пути
Больше, чем всех людей на Земле.
И что ты ни придумывай, как ни верти,
У безмерной Вселенной во мгле

Не для нас затевается этот концерт
Светомузыки чудной в ночи.
Правда, ты мне ответишь, что Бог милосерд,
И в деснице Его все ключи...

Да, быть может, но только, но только не тут,
Не в пространственно-временном
Пребывании цокающих минут,
Не в туманном дне за окном...

Мы свидетели запредельных дел,
Мы случайные гости здесь.
Только дух... вот он бы, как луч, летел,
Прорывая мрак, световой предел,
Мир собой заполняя весь.

2002

* * *

Докучная любовь чужая,
С которой свыкся ты уже,
Не обольщая — раздражая,
В твоей копается душе,

Пытается нащупать нити,
Которых нет, исторгнуть звук.
Но скажешь как: остановите
Признаний шлифовальный круг?

На нем стираются до пыли
Слова, затем, что сотню раз
Их, замирая, повторили,
Все в тот же втиснули каркас:

«Люблю (всхлип) больше всех на свете...»
Что, кроме скуки и стыда
Слова способны вызвать эти,
Когда ты холоден, когда

Все понимая, видя, зная,
Не можешь ничего? И тот
Иной, горячий мир, иная
Жизнь лишь пустоты застает

Там, где должны стоять твердыни
Ответной нежности: «Я твой!»
Что ж, вот ты и вкусил полыни
Бесчувственности роковой.

2002

* * *

Мне трудно стало правду говорить,
осталось делать вид, что все в порядке,
чтоб защитить тебя, приободрить,
тревогу до поры упрятать в складки
сегодняшней текучки бытовой,
а я ведь вижу, знаю, что за нею...
Но есть твой мир, свободный выбор твой,
и я, умолкнув, жду и цепенею.
Любить, наверно, значит лишь следить,
лишь наблюдать, лица не закрывая,
прощая все, не прерывая нить,
пока на том конце душа живая,
не мучая собою никого,
в отчаянье впадая временами.

Теперь ты понимаешь, каково
Ему, с небес следящему за нами!..

2002

* * *

Как странно, тело все грузней,
Душа же легче год от года,
Как будто знает, что за ней
Придут, и надо до прихода

Самой опробовать полет,
Войти, как в воду, в воздух влажный.
А что же тело? — Тело пьет,
И ест, и старится отважно,

Решительно. До суеты ль
Ему воздушно-невозможной? —
Уж впору заводить костыль,
Ступать, садиться осторожней.

Лети душа, учись взмывать,
К любому приобщаясь чуду!
Вот только, жалко, танцевать
Уже я никогда не буду.

2002

* * *

Господи, как хорошо-то
Писать, писать, писать...
Что потом скажет кто-то,
Чем только забросать

Ни попытается. — Полно,
Мне сейчас все равно.
Словно качают волны —
Видно морское дно:

Ракушки, рыбы, камни,
Якоря черный крюк.
Знаешь, пора, пора мне
Снова на теплый юг.

Ольвия, Крым, Колхида —
Берега полоса
С детством моим повита,
Так и спит глаза.

Даже сейчас. Закрою
И проведу рукой...
Хочется мне порою
Чайкою стать, строкой,

Словно волна бегущей
Вдаль, за другими вслед,
Нежно меня зовущей
Вот уже сорок лет.

2002

* * *

Как пленочка жизни на самом-то деле тонка,
Непрочна! Чуть больше углекислоты в атмосфере,
Чуть Солнце активнее, чуть горячее — и пока! —
Прощайте, растения, птицы небесные, звери!

И мы, разумеется, с вами... Еще наскочить
Спокойно Земля может на астероид здоровый,
А Солнце (давайте не будем его горячить),
Летя по галактике, рядом пройти со сверхновой.

Все это частенько случается в космосе. Что ж,
В конце концов наша звезда поглотит, разбухая,
Меркурий, Венеру... Но ты, ничего, ты — живешь,
И, в общем, она, эта хрупкая жизнь, — неплохая.

Ах да, я забыл еще: нам через сколько-то лет
(Счет на миллиарды) с Туманностью Андромеды
Столкнуться придется. Вот тут уж начнется балет
Дыр черных, пульсаров, рыхлящих межзвездные среды!

И мы-то... мы здесь потому лишь, что только на миг,
За миг до того, как взорвется вселенная эта.
А как же стихи, как все то, что открыл и постиг
Наш дух неуемный!? — Какого ты хочешь ответа?

2002

* * *

Стоят подсолнухи, головки наклонив,
И тишина такая!
И отблеск солнечный, собою заменив
Сиянье, прячется, предметы обтекая.

Все гаснет, медленные сумерки скользят,
И тени удлиннились дважды,
Еще чуть-чуть и темнотою взят
В объятья будет листик каждый,

И звезды выпадут на черную эмаль
Крупнозернистой белой солью.
Чего же в этот миг так нестерпимо жаль,
Что в сердце с застарелой болью,

Проснувшись, силится скорее из груди
Взметнуться, как ночная птица?
И губы шепчут: «Нет, не уходи!»
Туман клубится...

2002

* * *

Утро! Опять вдалеке лают собаки,
Стелется редкий туман, солнце встает.
Птицы, совсем присмирившие было во мраке,
Защелкав, встрепенулись — и снова в полет.

За ночь земля утомившаяся остыла,
Листья и стебли травы влагой блестят.
Кажется: нового дня тайная сила —
В шорохе крон, в рокоте пчел, в гаме галчат.

Утром всегда у меня чувство такое,
Словно бы жизнь, целая жизнь вся впереди.
Столько впитал свет счастья, покоя,
Свежего, бодрого воздуха столько в груди!

Если откроешь окно — нежно, упруго
Парусом белым влывет в комнату тюль.
Цепью бегут в вышине, словно ловят друг друга,
Тучки. Всех лучше в году месяц июль.

2002

* * *

До какой-то степени, думаю, и сейчас
Уже можно себе представить, как мир без нас
Будет существовать: все то же — лишь нас в нем нет,
И проходят спокойной поступью миллионы лет,
Словно брахиозавры какие-нибудь, покачивая бока,
И бумага, которой сейчас касаюсь, уже, уже,
Распадаясь, в прах превращается. Не века —
Лишь мгновения нежно-счастливые у нас с тобой в багаже.
И пока пчела, притаптывая цветок,
Собирается в домик свой дальний нести нектар,
И пока еще не остановленный кровоток
К сердцу весело гонит толчками волненья жар,
И пока не придумано, чем бы таким занять
Нашим душам себя, всю вечность грустя потом,
Будем дождик грибной, напуганный, догонять
На велосипеде, ловя его капли ртом!

2003

ПЕРЕД ОКОНЧАНИЕМ ОТПУСКА

Все этим летом запоздало,
И как ни буйствует садов
Листва кипящая — ей мало
Тепла для завязей, плодов.

И августовскими ночами
Туман белесый от реки
Ползет. Остывшими лучами
Вдаль провожает косяки

Слепое солнце. К перелету
Готовы птицы. Что же тут
Свою растения заботу
Забить не могут — и цветут,

И рвутся ввысь, и тянут стяги
Стеблей, ведь ясно: не успеть?
Ах, мне б бессмысленной отваги,
Наперекор всей той бодяге,
Что вновь начнется завтра, — петь!

2003

* * *

В эту комнату, помнишь, как в первый раз
Ты зашел? Ведь четыре недели
Впереди ожидали покорно нас,
Разве только в рот не глядели!

Сколько было надежд на несложный быт,
На листвы зеленые всплески
И на то, как ласково усыпит
Колыхание занавески

Нас в горячий полдень. И день за днем
Ряд казался неисчерпаем.
Помнишь, как траву мы с тобою мнем,
Как мороженое покупаем?

И стрекоз неоновых над водой
Замирающие зигзаги,
И ползущий низом туман седой
Вечерами в поля, в овраги.

Торопил ли время? О нет, о нет...
А теперь собираться надо.
Вот рассыпал полосы мягкий свет
На некрашенный пол из сада.

Это все было наше, все наше. Но
Почему-то теперь забрали,
Словно лишь показывали кино —
И в пустом мы очнулись зале.

2003

* * *

Как всегда, заранее собрались,
И теперь мне в комнате опустелой
Делать нечего. Просто сиди и злись,
Торопя окончание жизни целой

Здесь в деревне. Завтрашний переезд
В город... Там будет все иначе.
За окном сорока бесхозный шест
Оседлала прямо напротив дачи

И раскачивается на нем. Желтеть
Начинают листья. Уже нет мочи
Неприкаянность эту, смирясь, терпеть:
Хоть бы день сегодняшний стал короче!

Как нелепо! Наверно, и смерть свою,
Завершив все загодя, так торопим.
Стало холодно... Печку, давай, затопим,
Все равно я попусту здесь стою.

2003

* * *

Страх перед тем, что писать не можешь
(хуже — не хочешь)... Забудь и брось!
Рифмой еще невзначай встревожишь
то, что так нехотя улеглось...

Не поясняю. Свои проблемы
каждый решает по мере сил.
И чем касаться запретной темы,
пить безопаснее коаксил.

Легкий глоток, холодок по коже,
как хорошо под защитой сна!
Ну а стихи, я надеюсь, все же
не выделения, не слюна,

чтоб регулярно, как по звоночку
(Павлова вспомним: инстинкт, рефлекс)
к ручке бросаться, мусоля строчку,
делая стойку на Музу, Рекс?

2003

* * *

Гриву свою осеннюю, рыжую, львиную
парк подставляет ветру, и на ветру
тянутся перелетною стаей длинною
листья. И вся будет ими покрыта трава к утру.

Серый денек измучен дождя уколами.
Каждый раз, проезжая мимо, боюсь застать
мокрые ветки уже совершенно голыми,
а на площадке детской отсутствие *дим* и *каль*.

Пусто. Огромный город как гусь, с которого
льется вода. Расцветают цветы-зонты.
Я сколько помню себя, обожал эту пору. Здорово!
Словно один на один с замеревшим ты

временем. Только вдыхать горьковато-преющий
запах опавших листьев, брести, прикрыв
веки... И в самом деле, чего тебе еще? —
Этот блаженно-тихий души надрыв.

2003

* * *

Вот не пишется, слово лишь давит, но не выговаривается,
И бесцельно следишь, как минута с минутою спаривается,
Словно мухи, разгуливающие по потолку.
Лучше в телеэкран на бесхитростный вымысел пялиться,
Лучше спать, убаюкав невысказанную тоску.

Слово, знаем, где прячется — с мертвою бабочкой зимнюю.
Мельпомену не мучай, не спрашивай Полигимнию,
Оживет ли, мелькнет ли мигающих крыльев хитин?
Да, любил... Но сейчас бесполезную память уйми мою!
Все равно ведь Орфей из Аида вернется один.

Ну же, разве дитя нерожденное на руки просится?
Но внутри немоты растревоженной разноголосица
Поднимается, словно бубнящего моря прибой.
И быстрее нереальной реальная кожа износится,
И с тобою расставшийся будет навечно с тобой.

Зимней бабочки, так на снежинку похожей, сверкание...
Ну зачем тебе эта сейчас стихотворная мания!
Слово льдинкой застыло, боюсь: отогреешь — и нет
Ничего, только мутная лужица, только известный заранее
Всем души уязвленной, надежды отвергнутой бред.

2003

* * *

Ну что же, пусть... Пусть долгий путь назад
В разболтанной маршрутке. За стеклом
То лезвие канала, то фасад
Мелькнет, то сквер, то строящийся дом,

Как водится, сквозь городскую грязь,
Сквозь эту мглу вечернюю и муть.
Лишь фонарей мерцающая вязь
Мешает отключиться и уснуть.

Пусть выгорит моя душа дотла,
Дотла, как прошлогодним летом сруб
На даче, пусть сломается игла,
Войдя под кожу, пусть я стану туп,

Бесчувственен, как замершие вдоль
Той улицы вырастающие в тьму
Кусты... Зачем опять все та же боль?
Что нового, перетерпев, пойму?

2004

* * *

Почему-то с рифмы мысль торопится
Соскользнуть в блужданиях непрошенных
По задворкам жизни — так что копится
Груда строф на середине брошенных.

Впрочем, у меня теперь нет повода,
А точней, упорства заблуждения,
А еще точней, необходимости
Чей-то тайный выполнять заказ,
Молодого куража какого-то,
Веры в неземные откровения,
Слепоты былой, непримиримости,
И, конечно, губ тех, серых глаз.

Все равно — внутри тебя, снаружи ли...
Слово, как и мысль снежинкой талою
Нежно и бессмысленно кольнет.
Все, что здесь с тобой мы обнаружили,
Стало только памятью усталою,
Тусклою звездой, рыбкой малою,
Неспособной выйти из тенет.

2004

* * *

С возрастом легче молчать, чем пытаться
Высказать... собственно, что? — я не знаю.
Простынь поверх настилая матраса,
Ровно ее заправляю по краю,

Наволочку натянув на подушку,
В пододеяльник вложив одеяло,
Лягу и магнитофона катушку
Тихо включу, чтобы мне не мешала.

Можно и книжку достать. На четвертой
Носом клевать начинаю странице,
Не замечая, что мир распростертый
Мне уже снится.

Сны алогичны, счастливо-бесцельны...
Кто ими властвует? — Пчелы, стрекозы,
Ангелы?.. Главное, что запредельны,
Как наши грезы.

2004

* * *

Пока мои глаза погружены в мерцанье
Экрана, и игра, не зная мелочей,
Готова поглотить все жизни отрицанья
И все заботы дня — о счастье! — я ничей.

Я строю свой эдем под снежную вершиной,
Свой оснатив ковчег, одолеваю вал,
Настойчиво борясь не с Божьей, а с машинной
Унылой волею, запавшей в виртуал.

Что, не хватает снов? Что, жизни слишком мало
Одной, в свои берега втеснившейся уже?
И глаз не отвести, моргающих устало,
Поживы не найти в реальности душе...

Какая разница — компьютерным ли бредом,
Дымком ли конопли, созвучным хором лир
Охвачен разум мой, которому не ведом
И чужд единственный тот, настоящий мир?

2005

* * *

Дождь с утра: ни верха нет, ни низа.
Бросить все к чертям, рвануть на юг...
Небо близко так, так серо-сизо,
Словно кто задраивает люк.

Этот город — тонущий Титаник,
Субмарина в море ледяном.
Не атлант у входа, а охранник,
И в висках стучащий метроном.

Ни с Европой вместе, ни с Россией...
Солона забортная вода.
Разве здесь родиться мы просили?
Разве соглашались мы сюда?

Уж, скорее корюшке, лангусту
Жить пристало тут. Но я и ты...
Место то, которому быть пусто,
Осняет ангел с высоты.

2005

* * *

Мы живем на даче не то что без
Телевизора, а вообще без связи
С внешним миром. Только огни небес,
Облака в лазури, ромашки в вазе,
Только птицы, слившиеся в экстазе
Голосами ночными, их хмурый лес...

Ведь пока кочуют над головой
Ледяные звезды — и знать не надо,
Чем у князя Дмитрия с татарвой
Дело кончилось, ждет ли еще эстрада
Примадонну рыжую, кто из ада —
Из Беслана выберется живой.

Потому что, в конце-то концов, тот миг,
Что с тобою здесь провели, не будем
Мы ни с кем делить. Ни страницам книг,
Не пересказать, ни богам, ни людям.
Из ничто сверкающий мир возник,
В никуда уходит. Давай, забудем...

2005

* * *

Клумба, словно гобелен:
Желтый, розовый, лиловый...
Как понять, что это — тлен
Стебельково-лепестковый?

И свисающий с куста
Венчик через две недели
Опадет. А красота? —
Мы ж ее запечатлели!

Вот мой фотоаппарат:
Не на пленке — на экране
Пестрых бархатцев парад,
Георгин подобен ране,

Розы огненный завой,
Звездочки ромашек, цинний —
Только образ цифровой,
Сочетанье точек, линий...

Значит, все же что-то есть
Там, когда замру, умолкну?
Вечно им сиять и цвести,
Лишь по файлу мышкой щелкну.

2005

* * *

Приземистые церкви Пскова —
Не храмы, а боровики.
Над ними ширь небес сурова,
И тянет холодом с реки.

Но слава, смешанная с потом
И кровью, мучает, как сон.
Земли форпостом и оплотом
Быть — да и нынче гарнизон

Военный... Ни о чем не зная,
Цветут акации у стен.
Какая связь времен, сквозная
Судьба — не попросить взамен

Иной. Так и тебе с упрямой,
Капризной, приставучей, злой
Не спорить же. Стою над ямой,
Где обнажен культурный слой.

2005

* * *

А лето снова обмануло
Все ожидания твои...
Дождем мочило, ветром дуло,
И солнца жаркие струи

На землю щедро проливало,
Жужжало пчелами, цвело
Цветами, но — увы — не стало
Тем, что мечталось. А могло?

Не уместится в отпускные
Дни годовая жизнь твоя,
Снега холодные, льняные,
Осенних листьев чешуя,

Капли слюдяные ноты,
В прозрачной зелени кусты,
И невозможные расчеты,
Что все еще успеешь ты.

Надежды эти — на смех курам.
Быстрой мелькали наши дни,
Чем ласточки на небе хмуром,
Чем метеорные огни

В ночи, когда заря дотлела,
И твердь созвездьями полна,
И вдруг подхватывает тело
Одна воздушная волна.

2005

* * *

Как символ вырвавшейся, дикой
Природы, плоти — борщевик.
Я всю дорогу от Великой
До Сороти слепящий блик

Ловил в окне, сквозь веток сети
Ломилось солнце, на кусты
Ложилась пыль, и всюду эти
Вздymались бурые зонты.

Вот так, беря преграды с бою,
Войдет чужая жизнь, плодясь,
В тот мир, который мы с тобою
Своим считали отродясь.

И тот, к которому мы едем
Сейчас, который *нашим всем*
Был, что тунгусам, что медведям
Не нужен, в общем-то, совсем.

Летающий, нежный почерк тает,
Остался только черновик.
И хоть тропа не зарастает
Пока — но рядом борщевик.

2005

* * *

Не надо бояться, тебе говорю,
Ведь все, что случилось с тобой,
Теперь навсегда там, где будит зорю
Трубач золотою трубой,

Где бабочки прошлого лета ведут
Порхающий свой хоровод,
Где не наблюдают счастливых минут
И все состоится вот-вот,

Где строки забытые лучших поэм
И краски сгоревших картин,
Где снова со всеми ты встретишься, всем
Любезен и нужен — один,

Где... Впрочем, зачем этот перечень длить
Земных невозвратных утрат,
Всего, что так трудно давалось любить,
В чьей смерти ты сам виноват?

2005

* * *

Вот и осень наступила
Среди лета. За окном
Ветки кружит ветра сила,
Крыша ходит ходуном.

На термометре — двенадцать
Градусов. Дровишки — в печь,
И не в город собираться —
Здесь бы на зиму залечь.

Занесут тебя сугробы,
Ночью вьюга подпоет,
И во сне пройдут хворобы,
Как весною стает лед.

Здесь живет, как живет
Без особого ума:
За водою — до колодца,
И, глядишь, прошла зима.

2005

* * *

Как быстро силы выпивает
Подкожный рокот городской,
Как, настигая, прибывает
К шести часам поток людской,

Какая аура, какие
Глаза, а запахи вокруг!
Ты хаотической стихии
Весь с головою выдан вдруг.

Толпы кишечно-полостные
Перетеканья. А вчера
На даче — шорохи лесные,
И звезд круженье до утра,

А в поле выйдешь — перекаты
Гонимых ветром черных трав.
Но мы ведь сами виноваты,
Неосмотрительно убрав

Из повседневной жизни скучной
Своей природу. Пусть она
Капризна, неблагополучна,
Пусть равнодушно-холодна, —

Стихия, словом. Но другая,
Не эта — в месиве хламья.
Куда еще, изнемогая
Душою, мог бы деться я?

2005

* * *

Рубашку сняв одним движеньем,
Подставив солнцу плечи, грудь,
Со зноем слиться, с отраженьем
Своим в реке, в него нырнуть.

И так доверчиво, так нежно
Струенье зябкое воды,
Так ярко небо, так безбрежно,
Что все заботы и труды

Позабываешь. На песочке
Сидишь, травинку беребя,
Придумывая эти строчки,
Лукаво глядя на тебя.

2005

* * *

Компьютер спит. Зеленым глазом
Лишь индикатор-огонек
Горит. Один остался разум,
Что ему делать — невдомек.

Как без очков подслеповатый,
Глухой без трубки слуховой,
Дух словно бы обложен ватой
Пока не получает свой

Назад протез — прибор заветный,
Многоголосый, многоцветный,
Мгновенный выход в мир иной.
Признайся, спутник безответный,
Что там ты делаешь со мной?

Компьютер спит. Мы в симбиозе
Теперь. Не разлепляя глаз,
Уж поздно думать об угрозе,
Что роботы заменят нас.

2005

* * *

Дом старый шорохами полон:
Потрескиванье в печке дров,
Шум сада, что сейчас взволнован
Осенним натиском ветров,

Скрип половиц, шуршанье мыши,
Дождя (как разошелся он!)
Дробь барабанная по крыше,
И бормотание сквозь сон

Твое. Не сплю. Лежу во мраке.
А ты унесена — куда? —
Далёко — где зимуют раки,
Или Макар свои стада

Пасет. Ты там, за пеленою
Ночного инобытия.
Пусть следующую волною
Его подхвачен буду я.

2005

* * *

К вечеру все прояснело,
Будто протерли стекло
Тверди. И вот — без предела
Синь. На душе отлегло,

Стало куда веселее.
Выйдешь в прозрачную тишь,
И, ни о чем не жалея,
Смотришь на небо, стоишь.

Как это странно... какая
Связь между ним и тобой?
Словно к глазам приникая,
Реет простор голубой.

Глупо! — ведь я же не птица,
Чтоб в запредельную высь
Так безотчетно стремиться.
Солнце садится. Очнись!

2005

* * *

Как рыба-луна, ночное светило
Икры наметало. И в холоде мрака
Теперь, словно взвесь серебристого ила, —
Созвездия Льва, Водолея и Рака,

А также иных неожиданных тварей...
Там рыбы, резвясь, задевают хвостами
Стоглазую морду твою, планетарий,
И борются два близнеца на татами

Упругой, как море, пружинящей ночи.
А мне невзначай вспоминается Клее:
Усыпана тьма серпантином отточий,
Чешуйками рыбок, подтеками клея.

Какого-то детского театра подмостки —
Вселенная в елочной тусклой подсветке.
И сыплются вниз карнавальные блески
На мерзлые, голые, черные ветки.

2005

* * *

В. В. П.

Уж скоро Диоклетиана
Ждет срок назначенный, когда
Отдать другому без обмана
Придется эти города,

Деревни, дальние селенья,
Всю ширь лесов, полей и рек —
И в Сплит родной без сожаленья.
На воле частный человек

Начнет выращивать капусту,
Смотреть на небо, пить вино...
А месту *этому* быть пусту,
Как понимаешь, не дано.

Блажен, кто вовремя с судьбою
Своею завершив дела,
Уйдет, чтоб жизнь сама собою,
Сама собою дальше шла.

2006

* * *

Ах, не было ни пастухов, ни волхвов,
Лишь мягкий сыпучий снег,
Лишь шерстка короткая синих мхов
На стенах вертепа, век

Вола дрожание, храп осла,
Засохшие клевер, сныть,
И та, которая не спасла
Того, кого ей родить

На долю выпало. В забытьи
Мерцала звезда одна,
Лучом царапая край бадьи,
Что б в воду нырнуть до дна.

И тихо-тихо минуты шли,
Касаясь одна другой.
А люди знали ли, знали ли,
Какой родился Покой?

В кристальном молчании хор светил,
Нема и пустынна ночь,
И кто бы мир сей ни посетил,
Ему уже не помочь.

За окнами грохот огней петард,
Звезда спешит за звездой,
И в Вифлееме встают на старт
Конфессии чередой.

Что этой жертве и тишине
Вселенской дадим в ответ?
Хлопки и крики, вино на льне...
А там никого уж нет.

2006

* * *

Скарификатора комариный
Нежный укус. А в оконном проеме
Мглой серебристою, снежной периной
Застланный город в предутренней дреме.

И пока женщина в белом халате
Кровь собирает в стеклянную трубку,
Что-то свое вспоминаю некстати:
Строчку, вчерашнюю нашу покупку,

Мусор налипший минут облетелых,
Пар ускользящий, в инее брови...
Красная ниточка крови вне тела:
Как там *in vitro* душе и любви?

Где холоднее? За окнами тридцать.
Ватку прижав, затолкну под перчатку.
Снежная пыль, осыпаясь, искрится,
Словно бы прямо ложась на сетчатку.

2006

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

Пока он говорит, искусно ускользя
От неудобных тем, пока он говорит,
То складка возле губ означится косяя,
То исказит лицо мимический гибрид

Улыбки и такой презрительной гримаски,
Что, дескать, ты триви, да я-то не дурак!
Конечно же, пацан... Но разве лучше маски
Тех из политбюро, их оловянный зрак?

Я думал, странно как фортуна выбирает,
Кого нам предъявить, поставить во главе,
И любит до конца, и до конца карает,
На откуп передав всезнающей молве.

И я сейчас могу без всяких угрызений
Разглядывать его, как некий препарат.
Что ж нам так повезло: неузнанные тени,
Проходим сквозь толпу до самых смертных врат?

Как дышится легко! Ты неопознаваем,
Завистливым богам нет дела до тебя.
И жизнь подобна снам, а сны подобны стаям
На юг летящих птиц в начале октября.

2006

ПОЭЗИЯ

Она, рожденная до речи,
До отвердевших в речи слов —
Звучащий голос человеческий,
Неосязаемый улов

Души, в своем косноязычье
Бормочущей: та-та, та-та,
Не пенье, вздрагиванье птичье
И колыхание куста.

Пурпурных гроздей винограда
Густой, перебродивший сок,
Ночей Каира и Багдада
Пересыпаемый песок,

Чуть слышный шепоток Эллады,
Прибоем заглушенный стон
Свирели, хоры-мириады
Звезд, обступивших небосклон.

А смысл? Какою тайной скрытой
Владеет светлокудрый Бог,
Что строки лавром перевиты
И ропот логики убог?

За всем следить не успеваешь,
На ощупь двигаясь — что там? —
И жизнь невнятную читаешь
Опять, как в детстве, по складам.

2006

* * *

Последний город наш — Варшава,
Прикрытая вечерней мглой,
Где флейта — слева, скрипка — справа,
Звучит мотивчик удалой:

Еще де Польшка не сгинела —
Бог подсобил, Пилсудский спас.
И старину от новодела,
Поверь, не отличает глаз.

На Старом мясте Королевский
Дворец, костелы — в облака.
Стась Понятовский, Ян Собесский
Сидят за кружечкой пивка

В кафе, не дуюсь, не волнуясь:
В Европу им не нужно виз.
Кто вспомнит, чашечкой любуясь,
Переколоченный сервиз?

2006

* * *

Зачем искать слова, зачем восьмые доли
Отслеживать, ведя по струнам свой смычок?
А те полутона!.. Скажи, их видит что ли,
Художник, зритель твой? — Ему и невдомек,

Какая тут борьба и ревность цвета к цвету,
Как нота холодна, как колются слова.
Ведь все искусство там (и не призвать к ответу)
В спектральной области слепой для большинства.

Без всякой мистики — сверхчувственное рядом:
Сейчас проявится, дотронется вот-вот.
Но слух, увы, закрыт, и упираясь взглядом,
Что ищет человек? — сюжет и анекдот.

Не пойте, ангелы, и не пророчьте, строки!
Вас нет уже давно, для мира вы мертвы,
И ваши горькие прощальные уроки
Не людям, что теперь упрямо-одиноким,
А птицам полевым, кипению листы.

2006

* * *

Любовь, оставшись без предмета
Любви, не знает, как ей быть...
Смеркается к исходу лета
Все раньше. Хочется забыть

Не то, что было — нет, — что будет:
Осеннюю сырую муть.
Она остудит и простудит,
И примиришься как-нибудь.

Нам достается напоследок
Лишь опыт, а не человек,
Лишь колыханье черных веток
И расставание навек,

Нам достается ум бесплодный
И сердца жар глухонемой,
Последний, от всего свободный
Путь в серых сумерках — домой.

2006

* * *

Этой легкой жизни не будет скоро,
Мелочей, лелеющих твой уют.
От дверей готического собора,
Холодком повеяв, они встают —

Эпидемий, войн, недородов тени,
Мы забыли поступь иных времен.
Как для всех кишаших существ, растений,
И для нас человеческий век сочтен.

Понимаешь: есть у любого вида,
У любой экспансии свой предел...
А над Марбургом облаков коррида,
Словно кто-то зрелища захотел

Неземного. Но равнодушны люди.
Что им небо! — Так хорошо сидеть,
Пить вино... Уже ничего не будет,
Даже если судная грянет медь.

За мороженое плачу монетку,
Фотоаппарат убираю свой.
И вспорхнувшая птица качает ветку
Где-то там, над самую головой.

2006

* * *

Не важно, что нет у тебя,
Но важно что *есть*... у кого-то.
Лучи о громады дробя
Домов, уходящая нота

Закатного солнца, звучи!
И мы возвращаемся, праздно
Бредя, в подступившей ночи
Берлинской, живой, многогласной.

Я видел зверей на стене
Ступавших с оскаленной пастью,
Я помню охваченных страстью,
Поверженных в вечной войне
Богов и героев Пергама,
Осколки милетского храма
И юношей в мраморном сне.

Из далей таких, с берегов
Бездонных времен океана...
И выбоина — как рана,
И гул затвердевших шагов...

Как стержень, музей посреди
Живой городской круговерти.
И тени не зная о смерти,
Смешались с толпою — гляди!

2006

ФЛЕЙТА В МЕТРО

Наверху — кружение метели,
Здесь — толпы ячеистая сеть.
Сквозь очки, чьи стекла запотели,
Разве что-то можно рассмотреть?

Разве тусклый свет, прилипший к стенам,
Этот сумрак делает родней?
Под землю безразличны все нам
В сонмище кочующих теней.

Будто нас и нет уже... Но редко,
Редко-редко, издали, сквозь вой
Гибкий, словно ивовая ветка
Флейты звук заговорит с тобой.

Неумело девочка играет,
Сбивчив голос, но печаль ясна,
И как будто кто-то грань стирает
Между бредом яви, правдой сна.

И сквозь наших подземелий своды
Проступает мир, в глазах рябя,
Золотым предчувствием свободы:
Вспомнить там, в Аркадии, себя...

2006

* * *

Схожу с ума, впадаю рано
В брюзжаще-старческую блажь?
Что из эфира, что с экрана...
Не знаю... этот мир не наш.

И слушая в маршрутке тряской,
Как *тот* по трубке говорит,
Не смыслом слов, а их окраской,
Их интонацией убит.

Нас — как травы нещадно прущей,
Всемировая гопота.
Слова нечистые сосущий
Подвижно-серой щелью рта.

Теперь и не уединиться,
Сиди и слушай — напоказ
Душа, безмозглая девица.
А Он, Он тоже слышит нас!?

2006

* * *

Как раковина, чей забит песком
Спиральный вход до самой сердцевины,
Египет спит на берегу морском,
И волны гнут податливые спины.

Давным-давно хозяин запропал.
Лишь остовы Карнака и Луксора,
Вокруг которых толкотня и ссора,
Богов распродаваемых кагал.

Но все же известковый панцирь свой
Узор хранит — лишь смой наплывы пыли,
И Ра плывет в ладье над головой,
И сны веков гробницы сохранили.

2007

* * *

О, боже мой, как свеж вечерним светом
Залитый сад, как мелкий дождик тих,
Как дышится легко! Любим предметом
Любуешься, и, кажется, своих

Достиг давно лелеемых мечтаний.
«Остановись мгновенье», — шепчет куст.
Я для страстей, для новых испытаний
Наполнен слишком, или слишком пуст.

В ведро с водой стекают капли с крыши,
Садится солнце в кромке золотой.
И здесь меня тревожат только мыши,
Скребущиеся ночью за тахтой.

Мне ничего не надо, только это
Неведомое чувство полноты,
Когда лучи скудеющего света
Сливаются со струями воды.

2007

* * *

Как тяготит, что день, а, может, два
Тебя, увы, не будет здесь со мною,
Что ерундой и суетой земною
Разлучены мы — жалкие слова!

Ты едешь в город: сквозняки, жара,
Высокое давление, мигрени...
За окнами наш сад колышет тени,
А завтра я один проснусь с утра.

О, Тютчев прав: не перекинуть мост
Над бездною недели, суток, часа.
И поводов всегда найдется масса
Тревожится, и сколько же борозд

Уже оставили на сердце холода
Разлук, потерь: а впереди? — Довольно!
И думать, и не думать слишком больно.
Ты скоро возвратишься, скоро? — Да?

2007

* * *

Всему, что не сбудется никогда,
Всему, что во мне умрет,
Стать светом, который струит звезда,
Водой, превращенной в лед.

Туда, где луч миллионы лет
Летит, прорезая мрак...
И если Ты все же мне дашь ответ,
То, видимо, только так:

Предсмертным воем ночных светил,
Сошедшихся в сноп огня,
Чтоб я все ЭТО в себя вместил,
Вмещающее меня.

От дальних галактик в смертельном сне
До искорок-недотрог,
Все то, что было уже во мне,
Да только я знать не мог.

2007

* * *

Ученики у нас вольные,
Разве предвидеть дано,
В почвы какие подзольные
Ляжет живое зерно?

Вольные, вольные, тайные —
Все созревает в тени.
Хлопоты же повивальные
Лучше самим им вмени.

Ибо лишь то получается,
Что бременит неспроста.
И со звездой встречается
В небе бескрайнем звезда:

Мрака объятия едкие,
Вдруг — долгожданная весть.
Ученики у нас редкие,
Если вообще они есть.

2007

* * *

Красим дом, но ему уже восемьдесят,
На фронтонах резные фитюльки висят,
Кое-где оторвавшись неровно,
И давно-то в хлеву никаких поросят,
И гниют в основании бревна.

А в подвале... Но лучше не надо в подвал.
Дом, как старый, больной человек отдавал,
Пока мог, а теперь проседает.
Тяжело опускается солнца овал,
Вечер всюду лиловых теней насовал,
И вообще к сентябрю холодает.

Я не знаю, зачем эти хлопоты нам.
Цепенея от ужаса по временам,
Видишь ясно, что все бесполезно:
Не подкрасить изношенной жизни никак.
За вечерней зарей надвигается мрак,
А за ним миротворная бездна.

2007

* * *

Диск тяжелый закатного солнца,
Напоследок мучительно ал,
Деревенских домишек оконца
Нестерпимым огнем зажигал.

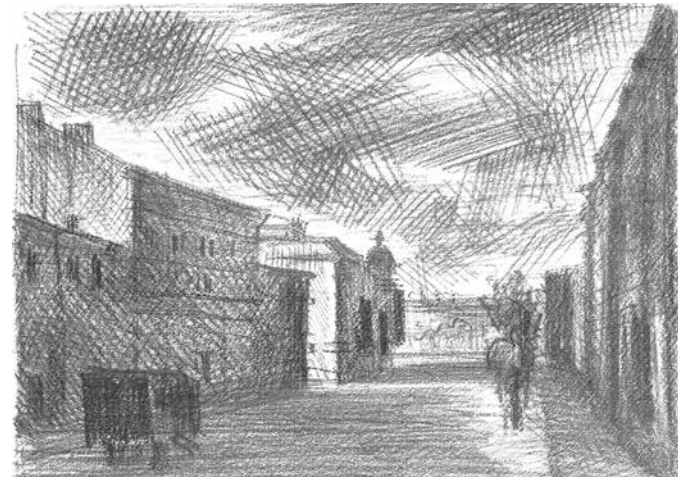
Мы на дальнем конце луговины
Ждали, что догорит полоса;
Выгибали косматые спины,
Обступая деревню, леса.

Но всего удивительней были
Облака в их воздушной стезе,
Что размашисто, тихо застыли
На померкшей уже бирюзе.

Лишь мгновенье — все кончится разом,
Захлебнувшись прохладною тьмой,
Уступая рассыпанным стразам
Нескончаемый полог немой.

2007

После зрелости

* * *

Что упрекать в предательстве? — Не сами ль
Мы предаем себя же: память, тело?
А что убитым оказался Авель —
Не твоего то разуменья дело.

В конце концов цветы завянут к ночи,
Померкнут краски, капли испарятся...
Каких желать особых полномочий
И сущностных ответов домогаться?

И опыт весь, усвоенный тобою,
И смута, дух сковавшая устало, —
Чтоб наконец понять: «Я мало стою», —
Как Гиппиус пред смертью записала.

И день, который был тобою прожит,
И колыханье сна согласны в этом:
Зло, победив, себя же уничтожит,
А мрак, все поглотив, набухнет светом.

2008

* * *

Над каналами черными вьюга,
Амстердам неприветлив и сер.
Заслоняют телами друг друга
Знаменосец, капрал, офицер —

Прямо в бронзе с «Ночного дозора»
(Дерзок замысел или смешон?)
В марте месяце сумерки скоро
Надвигают глухой капюшон.

Ресторанчиков, баров, кофеен
В узких улочках, право, не счесть,
Запашек конопляный развеян
И отличные девочки есть.

Только им до соблазнов дешевых
Этой жизни нет дела уже,
В заменяющих тело оковах,
Под навязчивым снежным драже.

2008

* * *

Бамберга холмы,
Церкви у дороги —
Здесь сносили мы
Наши туфли, ноги.

Нескончаем день,
В черепице крыши.
Каждая ступень,
Чтоб все выше, выше,

Хоть под облака
В упоенье бунта.
Тут лежат века
Генрих, Кунегунда,

И собор навис
Сенью над могилой,
Но не смотрит вниз
Ангел белокрылый.

Он скользит, как дым
Над тобой, усталым,
Тополем седым,
Стрельчатым порталом,

Над рядами крыш
В целлофане зноя.
Замерев, глядишь
В это неземное...

Света волокно
Там лазурь сплетает,
И плывя, пятно
Тихо тает, тает.

2008

* * *

В юности все *проходило*, теперь *отпускает*,
Чтобы вернуться опять в перспективе ближайшей,
Но уж зато утешает и душу ласкает
Каждой минутой покоя. Не спрашивай: «Дальше

Что?» — Ничего. Никакой вразумительной цели.
Видишь: ты больше не нужен, тебя наконец *отпустили*
Даже мечты, — а так много жадно хотели,
Даже боязни, — а так убедительны были.

Эту ли паузу нам заполнять сожаленьем?
Мир-то по-прежнему красками, звуками полон,
И предзакатного неба багряным томленьем
Даже сильнее, чем прежде, я нынче взволнован.

Только теперь это все не мое уже словно.
Как за стеклом, как на великолепной картине,
Не материально, а знаково и безосновно,
И не подвластно обыденной жалкой рутине.

Вот и люби бескорыстно, как любишь искусство,
Не соблазняясь собою и не соблазняя,
Чтоб прорастало шестое свободное чувство,
Пять остальных заслоняя собой, оттесняя.

В звездной пучине космического океана
Радужным облачком мерзлого пара зависни
(Небытие — часть какого-то общего плана),
Вечный скиталец и вольноотпущенник жизни.

2008

* * *

Доставая новый мобильник, вдруг вспомню, как
Набирал твой номер со старого несколько раз на дню,
И мгновенно, мгновенно сердце сожму в кулак,
Заключу в твердокаменную броню.

Эта вещь уже тобой не заражена.
И детали жизни, струящейся, как поток,
Из души вымывают, с самого ее дна,
Те булыжники чувств, с которыми я не мог

Справиться. Время не лечит — оно прочищает нас
От налипших чужих желаний, условий, слов.
И любовь когда-то растратит боезапас
Своих крупнокалиберных, задыхающихся стволов.

Потому, что мы сцеплены так с суетою дня,
С бытовыми условиями юдоли земной.
Неужели что-то еще осталось там от меня,
Что-то еще от тебя осталось со мной?

2008

* * *

И в двадцать пять я знал и понимал,
о чем он в скорбной «Осени» вещает,
но в эту пору чувства правят бал,
и Хлоя Мельпомену замещает.
Неактуально то, что предстоит
нам через четверть века или боле.
И дух тоску до времени хранит,
тем паче, что всегда хватает боли,
отчаянья, стремлений и страстей.
Нет, человек рассчитан не на долго,
и заменим легко. А у костей
допытываться правды нету толка.
Никто и не допытывается —
лишь Гамлет, повстречавший тень отца.
Нам кажется, что их предупредить
бы стоило. Но в этом-то и дело,
что жизнь сама распутывает нить,
и внутрь клубка не заглянуть, и прыть
тут неуместна: надо ли доплыть
стремиться поскорее до предела?
Вот так и получается: увы,
не поделиться, не покинуть слоя,
граничного со слоем синевы,
откуда нас опять поманит Хлоя.

2008

* * *

Улыбается Ангел — такой губошлеп,
Весь в кудряшках, барашек почти, золотой.
Ах, когда бы нам наговориться взахлеб,
Нагуляться, наполниться радостью той,

Что охватывает, только плюнешь на быт,
Оторвешься, в далекие двинешь края.
В Регенсбургском соборе тот Ангел забыт
И недельная вольная воля моя.

Жизнь едва ль состоит из тридцатых долей
Отведенного времени, прочие — хлам.
Погоди же, баварского пива налей!
Ты не хочешь? — Ну, ладно, давай пополам!

Посмотри, как веселое солнце слепит
Тяжело поднимающий башни собор,
Как апостолы пялятся с каменных плит,
Как трубят нам последний прижизненный сбор!

И лишь Ангел дурашливый в сумрачном сне
Необъятного нефа каким-то своим
Улыбается мыслям, не ведомым мне,
Но, взгляни, — бестревожным. Еще постоим?

2008

* * *

Жизнь, по крайней мере до сорока,
Необъятной казалась, все думал: еще успею.
Простиралась земля обильная, а над нею
Плыли по небу крутобедрые облака.

Все давалось в руки, и ноги могли дойти
До любого пункта на километровке-карте.
И шептало будущее: ты еще на старте,
Ты еще в начале неведомого пути.

И, действительно, мир мне открылся весь:
Города и страны, сокровища Лувра, Прадо,
А еще любовь, но о ней говорить не надо,
Не сейчас, во всяком случае, и не здесь.

Вот... А дальше случился какой-то сбой,
Расшатались скрепы, порвались живые узы,
Неман неосмотрительно перешли французы,
Разминулся в густом тумане с самим собой.

Оказалось внезапно, что главное — позади,
Что грядущее прочно соединили в звенья,
И уже ощущаешь не радостное биенье,
А какое-то трепыхание там в груди.

2008

* * *

Как я люблю оставаться дома!
Дома любая печаль — не в счет.
Каждая складочка мне знакома
Скатерти, вкрадчиво кран течет,

Книги торчат из шкафов и с полок,
Втиснутые уж не знаю как,
Тихо колышется светлый полог
Шторы, от нас отделяя мрак,

Лампа, струящая света влагу,
А на диван под нее присесть —
Сразу захочется взять бумагу
И карандаш, если время есть.

Трудно решить однозначно: крепость,
Мой ли Парнас или Парадиз,
Но ощущается как нелепость
Необходимость спускаться вниз

И выбираться опять в музеи,
В гости, на службу, в сбербанк, к врачу.
Даже в Афины, Париж, Помпеи
Я уже, кажется, не хочу.

2008

* * *

«Фарфоровая» церковь в Висе,
Как чашка в стиле рококо.
Скорее, вспомнишь о Парисе,
Столь сортирующем легко

Богинь, что неизбежно было
Все то... Хотя, сейчас не суть.
Тут статуя кровоточила
Христа, и вот пустились в путь

Паломники и средь зеленых
Лугов воздвигли Божий храм.
Смотрел записки исцеленных
И видел верующих там.

Казалось бы, для будуара
Все эти лепки завитки,
Наплывы гипсового пара,
Амуру-ангелов полки.

Что невозможней крестной муки
Средь этой дикой мишуры!
Но простираются здесь руки
И обретаются дары.

Какое дело Богу, право,
До наших вкусов, стилей, мод!
Его забота, мука, слава
Спасать взыскующий народ.

2008

* * *

На вазе греческой Алкея
И Сапфо рядом узнаю.
Уста их пели, пламеня,
Тоску любовную свою.

Впервые греческая дева
Стилом по сердцу провела,
И страстный зов ее напева
Пронзил и души, и тела.

Но разве лесбосской цевницей
Людской еще наполнен слух?
И песня улетает птицей
Туда, где жар любви потух,

Она плутает в ветках ивы,
Свивает гнезда в камыше,
Цикад заводит переливы,
В звериной прячется душе.

Не извлечем ее покуда
Из шума крон, из гула струй,
Любовь не обратится в чудо,
И горек будет поцелуй.

2008

* * *

Промелькнули года, промелькнули,
Не попросишься в гости назад...
Эти шепоты сада в июле —
И не выяснить, кто адресат,
Эти запахи дегтя и тины
На заливе, где ветер обмяк,
Эти в парке версальском куртины,
Эти лица веселых гуляк
В веницейской толпе карнавальной,
И Веласкеса чудо «Менин»,
Это счастье с подкладкой печальной,
Когда вместе, ты все же один,
Эти с книгой волшебной минуты,
Так, что не оторваться никак,
Эти горькие, сладкие пути,
Этот светом пронизанный мрак
Обретенья и тут же — потери,
Этот город, мучитель родной,
И до боли знакомые двери,
Эти встречи — еще по одной?
Эта жизнь... Но как странно, обиды
Я не помню, предательства, зла.
Словно, за руку взяв, Аониды
Все вели, и их песня спасла.

2008

* * *

Странно, не правда ль, подобно Богу,
Слушать приходится нам теперь
Чьи-то признания всю дорогу,
В тряской маршрутке захлопнув дверь.

Пусть не молитвы, но излиянья —
Трубка у раковины ушной.
Боже мой, чудны Твои деянья,
Долготерпенье Твое со мной.

Как же банальны и нестерпимы
Нашего «я» проявления!
Боже, надеюсь хоть серафимы
В высях без «личного мнения»?

И ничего нет однообразней
Нашей индивидуальности!
Как и истории: войны, казни,
Чтоб, разумеется, мир спасти.

И потому я Тебя в покое
Лучше оставляю, управлюсь сам
С жизнью отпущенной, никакой,
Просто разложенной по часам.

2008

* * *

День так быстро сползает с двенадцати к трем, к четырем,
Что подумаешь: время здесь явно под горку бежит.
Что из лета дождливого в город с собой заберем?
Был ли сердцем и разумом опыт какой-то прижит? —

Разве тот, что все меньше и меньше становится сил,
Что все большей и горшей проблемой видится быт.
Мелкий невразумительный дождик с утра моросил,
И теперь серебристыми цыпками тополь покрывает.

И хотя среди туч иногда возникает просвет,
Солнце не успевает всю влажную пыль просушить.
Девятнадцать последних счастливых, наполненных лет
Мы проводим здесь лето. Прости, я не знаю, как жить,

Я не знаю, как жить, потому что с собою не взять
Эти запахи трав, эту ласковую тишину,
Не войти нам с тобой в пережитые годы опять,
Не поймать прошлогоднюю бабочку — нет — ни одну!

Удивительно, что прямо здесь наблюдать нам дано,
Как огромная жизнь от себя же самой устает,
Но всё медлит прощаться, и, прежде чем станет темно,
Тихо в кресло садится, семейный альбом достает.

2008

* * *

Тянуло его не к Берготу,
А к глупым девицам в цвету.
Кто юности внешнюю льготу
На внутреннюю красоту

Готов променять? Кто стремится
На путь, что от прочих таим?
Нет, отрок и отроковица
Пойдут, обнимаясь, своим.

И правильно! Жизни подарки,
Незамысловатые хоть,
Зато соблазнительно яркие,
И много ли хочет Господь

От маленького человека,
С его добровольным «как все»,
Чья доля — лишь таянье снега,
Лишь юркий зверек в колесе?!

2008

* * *

В Кóрдове вид у Гвадалквивира,
Прямо скажем, несколько не тот:
Он струится вяло, смотрит сиром,
Даже до колен не достает.

В серой дымке старые кварталы,
Со столпа взирает Рафаил,
Только у цветов, что ярко-алы,
Нравиться еще хватает сил.

Вот как умирает, костеня,
Прежней славы царственная вязь:
Словно по тебе бродил во сне я
И едва припомнил, пробудясь,

Словно тайно в отрочестве Лорка
Мне привил розарий этот весь.
Но мечта негодная подпорка,
Если ты уже сейчас и здесь,

Если ты стоишь у стен Месхеты,
Прямо в апельсиновом саду.
От любви-надежды-веры сметы
Не дождешься... Ладно, я пойду!

Скучно... Но средь леса колоннады,
В полутьме, в упругой тишине,
Где ведут в небытие аркады,
Я пойму: они не лгали мне.

2008

САГРАДА ФАМИЛЬЯ

Внутри он похож на гостиничный комплекс или же
сити-банк,

Линии прихотливо-изящны — модернóвый дизайн.
Хочется не молиться, а сразу заполнить бланк
В небесную канцелярию, что б уж без всяких тайн.

Зато портал Рождества — настоящий сад-огород:
Кустарники, гады ползучие, легионеры, ослы
(Видно забот у Создателя было невпроворот),
Ну и волхвы, конечно, и всякие там послы.

Все это напоминает игрушечный магазин,
Все это превращается в многоголосый вой:
Крыши наверхия в виде больших фруктовых корзин,
Фарфоровой елки выступ над головой.

Издали, правда, получше: башенки из песка,
Или термитник. — Юный натуралист!
Что же ты, экзистенция, где же твоя тоска?
Город под южным солнцем засахарено-искрист.

Толпы народа приводят дивиться игре ума,
Фокусам детской фантазии радоваться, резвась.
Рядом насупилась готика, но и она сама,
Кажется, не ощущает с Всевышним былую связь.

2008

* * *

В Барселоне жизни слишком много,
Жизни обжитой, как таковой,
Той, что обходиться без итога
Приучилась: главное — я свой.

Молодежь струится по бульвару.
Полночь, но светло под фонарем.
Что там пьется-курится на пару?
— Эй, с собой Розиту заберем!

Каталонской юности счастливой,
Ах, не интересен мне пейзаж.
Ты, как ветка вишни или сливы,
Милый мальчик, даром, что не наш.

Но цветенья дым однообразен
В бесконечном повторенье форм, —
Ибериец, славянин ли, фрязин,
Ставший у природы на прокорм.

Черный плейер, белая футболка...
Храм как куча мокрого песка —
Выше всех фарфоровая елка,
От небес в полшага, в полброска.

Только не добросить, не пробиться,
Детского сознания не унять.
Жизнь сама, сама собой струится,
Что на это, право, ей пенять?

2008

* * *

Жуткое дело: мерзнуть на даче
В августе месяце — дождь целый день.
Что-то пошли полосой неудачи,
И затянула сознание лень.

Нету причин по которым бы дале
Стоило жизни макет собирать,
Разве что б полюбоваться в финале
Или в Дом творчества юных отдать.

Но никому не поможет чужая
Эта конструкция. — Клей да картон.
Как на плоды своего урожая
В «Осени» смотрит растеряно он!

Что этим лысинам страшным бессилья
Можно противопоставить в конце,
Если души переломаны крылья,
Если решетка морщин на лице?

Старости хочется бодрой и тихой —
Но разве даст этот взбалмошный мир!
Помнишь, ткачиха с сестрой поварихой
Ткать собирались, устраивать пир...

2008

ДЮРЕР. «АДАМ И ЕВА»

Молодость и здоровье: восторженно-легок Адам,
Ева чуть-чуть с хитрецей, но в своем простодушна
стремленьи.

Как предстоит поработать над ними годам,
Преобразив эти ланьи повадки, оленье

В нечто, вполне человеческое, познающее пот,
В нечто, впитавшее смысла тяжелую влагу.
Ангел с мечом у Эдемских могучих ворот
Встанет, назад не пропустит уже бедолагу.

И потому на картине в сплошной черноте
Только тела ваши юные полнятся светом.
Это когда-то с тобою мы были, как те
В непонимании радостном, в счастье отпетом.

2008

* * *

Все выражает слово, поскольку Бог
Нас не обманывает — прислушаемся к Декарту.
Сколько их накопилось, невысказанных тревог,
Тайны своей не выдавших жизненному азарту!

Но сколько чувств невзначай проскользнуло сквозь
Фильтры вербализации в приступе откровенья.
Кант, — говоришь, — «Silentium», Тютчев. — Брось!
Это одной цепи — угасания веры — звенья.

И вот поэтому нужно не синтаксис ворошить,
Не уходить в подсознание, корежа фразу,
А просто верить, просто любить и жить —
И невозможное станет возможным сразу.

Как? Вот об этом не спрашивай, ибо рецепта нет,
Лишь приглядишься, прислушайся, как они-то —
Пушкин, Шекспир, Гораций нащупывали ответ,
Каждую мысль просеивая сквозь сито

Слов, без ущерба, поскольку не в языке
Дело, а в том, что обременены собою
Все мы, и надо позволить дышать строке
Воздухом солнечным, бездною голубою.

2008

* * *

Все, что помнишь — то и твое, тем и жить в раю.
Хорошо, — говорю, — да вот ведь беда: склероз.
Никогда никакому не выдержать бытию
Задыханий наших, болезней, бессильных слез.

Потому-то все теодицеи и ворожат,
Что никак эту истину горькую не понять.
Наша жизнь, наша жизнь — те самые рай и ад,
Ибо страсти не выжечь и совести не унять.

Я готических храмов наивный люблю порыв
К синеве небес, что давно уже превзойден
Небоскребными башнями. Вижу, глаза закрыв,
Только сгусток кровавый солнца и свежий дерн.

Лишь одно меня как-то еще примеряет с той
Неизбежной участью, той, что одна на всех,
Что расплачиваться придется самим собой,
Никого не вводя в искушение или грех.

2008

* * *

Ну вот он и пришел, последний —
Последний день... последний раз.
Что этой фразы безответней
И безнадежнее для нас?

Не в ней ли пыльное томленье
Задернутых на окнах штор,
Не в ней ли сада запустенье,
В обиде глохнущий мотор,

И волн скудеющего света
Застывший в воздухе портал.
Я где-то уже видел это
И этот зябкий страх глотал.

Прости, но больше невозможно...
Да, да — ты знаешь? — за тобой...
Теперь легонько, осторожно, —
Ведь это делает любой...

2008

* * *

— Да что ты!?
— Чемодан тяжелый.
Устал тащить. Его куда?
На трое суток новоселы.
Есть душ, горячая вода.

И так зачем-то сердце радо
Уюту этого угла.
И вещи сразу вынуть надо,
Чтобы погладить их могла.

Три дня — а дом, все дом, в котором
Жизнь эфемерно продлена.
Не думать об отъезде скором,
Пока ночная пелена,

Твой сон прерывистый врачую,
В далекий мир, уже не наш
Уводит тихо. Не хочу я
Вновь распаковывать багаж.

2009

* * *

Гуляли, спорили, смотрели
С экрана фотки, пили чай.
Заехал к нам в конце недели
Сюда на дачу невзначай.

Давно не виделись. Мне было
Легко. Играли в дурака.
Над синим лесом небо стыло,
И надвигались облака.

Вот знаешь как: и друг твой старый,
И рад ему, и встрече рад,
Но за окном зари пожары,
И рослых тополей парад.

А разговор все длится, длится,
И вяло следуя ему,
Ты начинаешь тяготиться,
И сам не знаешь почему,

Общением, собою, словом,
Как будто лишь внутри, в тиши,
В безмолвии есть место новым
Очарованиям души.

2009

* * *

За вычетом жизни духовной —
Одна лишь свинячья возня.
Полдня вчера с Марьей Петровной
Провел, все на свете кляня.

Какие такие ей планы
Нужны методических дней!
Цвели за окошком каштаны,
Цвели и не знали о ней.

Ах, есть у природы свобода
От всяких придуманных дел.
Живет-умирает природа
Всерьез. — Ты бы так же хотел?

Живет-умирает, не зная
Гомера, державинских од,
И только от края до края
Зарю горит небосвод.

Но в чьем отражается взгляде
Огней заревых торжество,
Каких это зрителей ради
Премьеру дает естество?

Вы немые, жестоки и глухи,
Красоты, без видящих глаз,
Лишь в нашем тоскующем духе
Смысл и оправданье для вас.

И Марья Петровна с набором
Своих директив из РОНО —
О смысле, о том, о котором
Нам печься — увы — суждено.

2009

* * *

Да нет, какой там памятник надгробный —
Столпов превыше, тверже пирамид,
И не отчет о времени подробный,
Что громом обличительным гремит,

И не призыв терпимей быть и чище,
Когда вокруг... (Мы сами хороши!)
И не потоки слез на пепелище
Вконец разочарованной души —

Мой стих не то, не это, не другое,
А лишь попытка быть самим собой,
Когда тебя оставили в покое,
Маниакальной жизни перебой.

2009

* * *

Внутри деревянного дома —
Так странно! — разводим огонь.
Привычкою часто ведома
Душа, словно всадником конь.

И не замечаем мы даже,
Как дик наш обыденный мир,
Поскольку на страже, на страже
Рассудка тупой конвоир.

И то, что любовью зовется,
И творчеством — часто сродни
Огню, что как будто не жжется
За стенкой печи-западни.

И узами брачными скован,
Все не разгорится пожар,
И выбор певца обоснован
Тем, кто его пестует дар.

Но стоит лишь искре ничтожной
Сквозь щелку проникнуть — и что ж? —
Сгорает и дом наш надежный,
И «правильной жизни» чертеж.

2009

* * *

Больше всего, как мне помнится, бабочек и цветы
Эти поэты любили — поэты смерти,
Чувствовавшие привкус ужаса красоты,
Или же красоты ужаса. Поумерьте

Негодование от статуй их — в кожу врага
Воины все одеты, стоят с мечами.
Им эта жизнь, что легче пыльцы цветка, была дорога
Так же, как нам, юкотанскими, влажнодышащими ночами.

Просто они трезвее и беспощадней нас
Знали: судьба слепа, надо жить настоящим,
Разницы нет между бабочкой, чей изумрудный глаз
В воздухе задрожал, — и тобой, на нее смотрящим.

2009

* * *

Ничего не сбылось?
— Неужели?
Вымыть чашки, развесить белье...
Нас, ведущий к неведомой цели,
Знает тайное что-то свое:

И про то, что судьбе задолжали,
И про то, что нам не додала,
Не спеша заноса на скрижали
Упованья, слова и дела.

Все сбывается, правда, по Прусту,
Не тогда, когда хочешь и жив.
Потому и разводит капусту
Цезарь, скипетр свой отложив.

Потому и пусты обещанья,
Предвещения — сладкая ложь.
На границе любви и прощанья,
Жизни/смерти, быть может, поймешь.

2010

ИЗ ШЕКСПИРА

5 СОНЕТ

То время, что одной своей рукой
Рисует нам прекрасные черты,
Готовится уже стереть другой
Все-все следы беспечной красоты.

Цветенью лет твоих, как лету дан,
Увы, недолгий, хоть и яркий срок.
Зима свой белый запахнет кафтан:
Как гол наш мир, как ты в нем одиноч!

И вот, куда же делась красота
Цветов, свой источавших аромат?
Смотри: в стекле граненом заперта,
Пусть обонянье нам заменит взгляд!

Так дразнит запах память, сохраня
Угасший образ канувшего дня.

11 СОНЕТ

Так увяданье можно одолеть,
Вновь расцветая в дочери и сыне.
В их молодой крови твоей алеть,
Той, что в самой себе дряхлеет ныне.

Себя, лишь отделяя от себя,
В чреде мы обретаем повторений.
Иначе б этот божий мир, скорбя,
В двенадцать люстров заселили тени.

Пусть все, кто безобразны, нечисты,
Не остаются больше в этом храме
Любви, Природы, Красоты, — но ты
Не можешь их пренебрегать дарами.

Ты их печать (пойми же наконец!)
Для оттисков — прекрасный образец.

44 СОНЕТ

О, если б мыслью, только мыслью быть —
Не вялой плотью, пленницей земли,
Кто б мог тогда меня остановить! —
Любовь и боль к тебе б перенесли,

Куда бы не закинула судьба
Тебя, хоть в край чужой за океан.
Свободен дух, ведь это плоть — раба,
А мысленно ты мне навеки дан.

Но мысль, что я не мысль, а только прах —
Земля, в союз вступившая с водой, —
Мне не дает тебя настичь в мирах,
Где дышит все разлукой и бедой.

Земля всего лишь... Где один из нас?
Вода... И слезы горькие из глаз.

65 СОНЕТ

Где те свидетели, которые на суд
Предстать решатся с временем самим?
Здесь твердость камня, бронзы не спасут,
Ни мощь стихий... Так что же делать с ним

Красе твоей, что хрупкому сродни
Цветку, листку, лишенному опор,
Когда в свою осаду взяли дни
Твердыни скал и цитадели гор?

И ужасает разрушений вид...
Как встречный иск вменить Небытию?
Зачем оно упрятать норовит
Жемчужину любви — красу твою?

Но верю: силой этих черных строк
Я вызволить твой светлый облик смог.

2010

* * *

Из всего, что написано, может быть, несколько строк
Уцелеет. Запомнился грустный Эллады урок:

Где ты, Сапфо, напевы свои растеряла во тьме?
Все мы лишь перелетные птицы — а время к зиме.

Но зачем-то нить тянется, крутится веретено
Этой призрачной жизни. Не важно... Я знаю одно:

Все, что было здесь истинно — было меж Ним и тобой,
И меж нами останется, как небосвод голубой.

Потому и бессмысленно спрашивать: долго ли, нет?
Ты был призван однажды, как звук или слово на свет,

Но Тому, кто призвал, — и хранить их века и века,
Будь то звук или слово, душа ли живая, строка.

2011

* * *

Ни то, что Он на третий день воскрес,
Ни ставшая вином вода в сосуде,
Ни по морю хождение (чудес
Достаточно!), ни притча о верблюде,
Который, помнишь, так и не пролез
В игольное ушко — но люди, люди!..

Но люди, про которых Он все знал,
А все-таки любил — Петра, Иуду!
И этот в Гефсимании финал:
Уснули все. — Отныне спать не буду
Я никогда! — Найдется люминал.

2011

* * *

Богом нам заготовлены все места
На земном счастливом пиру:
Звезд ночной полет наблюдать, в уста
Целовать, засыпать к утру,

Зонт раскрыв, под мелким брести дождем,
С ритмом тихих совпав минут...
Все уже случилось. Чего мы ждем?
Все уже состоялось тут.

Замирает сердце. Листва с дерев
Опадает. С тобою мы,
Что, уже не встретимся, умерев,
Потерявшись в провалах тьмы?

Все равно все то, что сбылось — сбылось:
Ветер веял, снежок хрустел.
Наши души больше не будут врозь
Пребывать, раз не станет тел.

2011

* * *

Кубиком сахара тает в стакане
Неба EUR-овский Колизей,
Ветром подхваченной солнечной ткани
Волны, счастливые лица друзей...

На фотографии этой такими
(Собственно, кто мы? — лишь код цифровой)
Вечными в вечном останемся Риме,
Над головою — простор огневой.

Это ведь даже теперь не бумажка,
Скомкать которую можно и сжечь.
Замершей жизни и счастья поблажка,
Как удастся тебя уберечь?

Так неужели наш век мотыльковый,
Столь скоротечный, столь призрачный здесь,
Преображен кодировкою новой,
Весь до конца сохраняется, весь?

2012

* * *

Даже смерти близких не бояться,
Потому что страх по временам
Заставляет не любить — цепляться
За того, кто слишком дорог нам.

И тогда не бескорыстна даже
Все отдать готовая душа.
Как ложишься спать — стоят на страже
Тени, наши страхи вороша.

Ибо мы как маленькие дети —
Мрак охватит, лишь погасят свет.
Ничего, пойми ты, в целом свете,
Ничего тебя дороже нет!

Но цена?! — Никто не даст ответа.
Ты один стоишь на пустыре.
Брать и отдавать — как будто это
Только спички в карточной игре.

2012

* * *

Да что уж — все равно от лета не осталось
И двух недель. Опять, опять скудеет свет.
Надежда отдохнуть наивной оказалась:
Для нашей зимней тьмы сил и здоровья нет.

Да что уж — жизни ход (хоть неизвестны сроки)
За сбоем сбой дает, и надо полагать,
Не за горами путь в тот самый край далекий,
Которым утешать привыкли и пугать.

Да что уж — и самой истории махина
Со скрежетом грозит рассыпаться во прах.
Грядущее темно. И страшно мне за сына,
За скопища людей в замерзших городах.

2012

* * *

Август. В алом зареве заката
Кроны полыхают, глядя в ночь.
Словно вся природа виновата,
Что не может темень превозмочь,

Словно остается только узкий —
Этот узкий, тлеющий зазор
Между небом и равниной Русской,
Даже ели выслали в дозор.

Но не задержать обвала лютой,
Небеса перепавшей тьмы.
Миг-другой — и звездные салюты,
Позабыв про все, увидим мы.

2012

* * *

Я забыл свой прежний сгоревший дом,
Хоть он двадцать лет нам служил.
В нем был счастлив, ребенок мой вырос в нем...
Старый-старый дом, старожил.

Я забыл... Ибо новых забот-работ
Оказалось невпроворот.
Новый дом мы доводим который год,
А еще земля, огород!

Я забыл... Как мог я забыть? Теперь,
Крася доски (сперва протру),
Ни о чем не думаю, верь — не верь,
Кроме: высохнут ли к утру.

Потому что измучили нас дожди
(Просто не июль — водолей!)
Потому что от завтрашнего не жди,
О вчерашнем не сожалей,

Потому что рассчитаны мы на миг,
Только миг — на другие сил
Не хватает... Каких бы еще улик
Ты у прошлого попросил?

2012

* * *

Эта внешняя жизнь, словно яблоко сгнила —
Весь синклит социальных забот...
Так постыдно-бессмысленна, тупо-уныла,
Но ты ею живешь круглый год!

Эта внешняя жизнь, чьи смешны и убоги
Директивы, претензии к нам...
Как сказал он — «идите ко мне, бандерлоги!»
— Не пойду, ничего не отдам!

Эта внешняя... Что же до внутренней — с нею
Мы расстались давно, но она
Меня ждет, как когда-то, верна Одиссею,
Все ждала его дома жена.

2012

* * *

И язык изменился, и ощущение
Своего в виртуальном пространстве тела.
Мне все эти тайные превращения
Отследить не удастся уже. Предела

Достигаешь с возрастом понимания...
Глядь: вокруг инопланетяне,
И своя у них нарко- и меломания,
И куда-то своими идут путями.

Разошлись поколения, как конфессии —
Хуже реформации и раскола.
Полный кайф от сессии и до сессии,
На слуху не Лермонтов — Полозкова.

Я аккаунт, знаешь, с контентом путаю,
Но, увы, от будущего не открестисься.
Лишь во взгляде что-то мелькнет минутою,
Когда, стоя в трамвае, глазами встретишься.

2012

* * *

Когда-то, давным-давно, покупая книги,
Мой отец говорил: «Читать на пенсии буду!»
Но — увы... Потому что все та же работа, дела, интриги,
И глаза болят, и всей этой жизни грудю,

Видимо, не разобрать. А они пылятся,
Сомкнутыми рядами на полках стоя.
Как это странно: надеяться и влюбляться,
Детей заводить, зарабатывать... ну, и все остальное.

Как это странно, что жизнь параллельно длится
Собственно жизни (а мы ее не узнали)!
И никакого счастья не хватит, чтоб насладиться,
И никакой любви, разменной на детали.

Все рассыпается здесь — не собрать воедино
Даже библиотеку в сознании суетливом.
Лишь года пролетевшие сбиваются, словно тина
В бурные сгустки, подхваченные отливом.

2012

ПОНТОРМО.

«ВСТРЕЧА МАРИИ И ЕЛИЗАВЕТЫ»

Если б не в маленьком Карминьяно,
В церкви заштатной, куда никак
И не добраться, а в Лувре — рьяно
К ней бы теснились толпы зевак.

Встреча Марии с Елизаветой...
Сполох оранжевого огня
С зеленью травянистой этой —
Не отпускаете вы меня!

Мир отступает во мглу сырую.
Взгляд — и вопрос на губах повис...
«Я узнаванье тебе дарую,
Плод в колыханье тяжелых риз.

То, что ты носишь в себе, превыше
Всяческих истолкований, слов».
Встреча двух женщин в церковной нише —
Как потрясение всех основ.

Нам же и спутницам неизвестным
Этих, друг друга нашедших, двух
Лишь наблюдать, как в пространстве тесном
Силится слиться, ликуя, дух!

2013

* * *

Что бояться? Бог распорядится тобой
Так, как, может быть, ты не хотел.
А хотел ты другого, но этот «другой»
Ну, допустим, в Ханой улетел.

Даже катастрофический вроде исход
Открывает иные пути.
Случай — наш погубитель, и наш добротот,
Только ты присмотришь, не зуди.

Даже смерть, понимаешь, для нас иногда
Лучше множества альтернатив.
Я Шаламова вспомню, крутые года —
Голод, каторгу, лагерный тиф:
Только преодолевший в себе навсегда
Человека останется жив.

А, по-моему, лучше довериться той
Нескончаемой, вечной Любви,
Что ни здесь, ни за самой последней чертой
Не оставит тебя, — позови!
Ибо все искупается Волей Святой,
Светом Истины — в ней и живи!

2013

* * *

Как наполнена юность сама собой,
О себе ничего не зная!
На любое слово, на взгляд любой,
Как на дождь золотой Даная

Откликается, и потому взойти
В ней способны любые всходы,
Черт-те знает куда завести пути,
Черт-те знает что сделать годы.

Но не в смысле каких-то великих дел,
О которых твердят преданья
(Тут-то ясен обычно как раз предел,
И обмануты ожиданья),

В смысле поджидающих нас утрат
И семейного стойла быта.
Как тебе, воитель, кронпринц, пират,
У разбитого-то корыта?

Самоварной рыбки твоей дары —
Испытание или бремя,
Потому что юной, крутой игры
Неизбежно выходит время.

2013

* * *

Зазевавшись, душа поверила —
И теперь ей твердеть в груди,
Прорасти корнями, как дерево, —
С места этого не сойти.

Эх, нашептыванье невнятные
Счастья — так шелестит листва,
Все права свои необъятные
Соплеменничества, родства

Предъявляя на дали дальние,
На бескрайнюю ширь небес,
И на связи многоканальные
С тем, с кем можешь... не можешь без.

Но в реальности околдованной
Своей страстью листве-душе
Дан лишь скверик с оградой кованой,
Весь замусоренный уже.

2013

* * *

Как же вдруг запутывается моток
Чувств, которые не унять!
То был близок, то, кажется, так далек...
Только от чего? — Не понять.

Ведь наощупь придется идти вперед,
Потому что любовь слепа:
Страшно, если за руку не берет
Поводырь, и крута тропа.

И одним осязанием ставший ты
Кожей чувствуешь радость-боль,
Расставляешь всюду свои посты,
Назначаешь опять пароль,

Проверяешь отзыв во мгле сырой,
Облекающей как акрил,
Повторяешь беспомощно во второй
Раз все то, что проговорил.

2013

* * *

Уже не хватает лета,
Чтоб как-то в себя прийти:
Стрекозок кордебалета,
Ежа на твоём пути

По просеке, голубики,
Утопленных в мох грибов,
И медленной тихой книги —
Хоть месяц читать готов.

Дней, вызолоченных зноём
(У нас и такие есть),
Сарая, что мы достроим,
Докрасим когда — бог весть,

И неба в огнях дрожащих,
Пронизывающих тьму,
бестрепетных, настоящих
Раздумий о том, к чему?..

К чему это лето длится,
Чтоб скоро дотла сгореть,
И стоило ли родиться
Однажды, чтоб умереть?

2013

* * *

Сколько уже написано! Мною, или не мной...
Все порывались что-то договорить, решить...
Только слова давились кровью или слюной,
Словно, едва родившись, уже не хотели жить.

Слово не плотью стало, а чернотой чернил,
Выкидываем типографских литер, бумажным сном,
Нет фотопленки больше, умолк навсегда винил,
Сделался супермаркетом гастроном.

Жизнь изменилась даже больше, чем мы с тобой,
Новые ее бренды старенью не по плечу.
Слово не стало плотью, а выбранный путь — судьбой,
Но я уже другого, мне кажется, не хочу.

Будто песчаный замок изглаживает прилив
Песенки Робертино, к звездам слепой рывок,
Гомон сухумских пляжей, запах болгарских слив,
Все что душа хранила и запасала впрок.

Но (или это иллюзия?) с нами сойдет на нет
Что-то последнее, что-то, что трудно определить...
Привкус живого слова, впрессованного в рунет,
Все еще соединявшая с канувшим прошлым нить...

2015

* * *

А стихи, если нечего Богу сказать, —
Не придут, не достигнут в ночи.
Если узел судьбы разрубить-развязать
Можешь сам, то уж лучше мочи!

Если все до конца уже понято здесь,
И под спудом усталых обид
Дух, ответа взыскующий, выдохся весь,
Если там, изболев, не болит,

Если, как уж не знаю, ты счастье нашел,
Или вместо него на покой
С обессиленной жизнью своею ушел,
Если больше любви никакой,

Никакой... но спокойствие и благодать —
Предзакатного неба цвета,
Если легче отдать, не стремиться, не ждать,
Значит — дальше уже немота.

2015

* * *

В ненастные глухие дни
Спокойней как-то, тише в доме:
Танцуют рыжие огни,
И в замороженной истоме

Следишь, как за стеклом печи
Опасный зверь наружу рвется,
Как тени множатся в ночи,
Но им войти не удастся.

И что там с мокрою листвою
Снаружи делают? Стенанья
Ее туманят разум твой,
Тьмы заоконной клокотание.

Полудремоты поцелуй,
Покой в одном от бездны шаге,
По черному стеклу зигзаги
Холодных залитейских струй.

2016

* * *

Увидеть все то, что увидеть нельзя...
Тогда, этим хором светил,
Что душу тревожат, по небу скользя,
Зачем нас Господь наградил?

Мы не соразмерны тому, куда нас
Волной бытия занесло.
И кажется: лучше бы разум погас,
И все бы быльем заросло!

Зачем до немислимых бездны глубин
Нам Хаббл пролагает пути
Туда, куда свет только может один
За миллиардлетья дойти?

Зачем соблазняет миров пеленой
В ночи всеобъемлющий Бог?
Не с тем ли, чтоб как-нибудь, в жизни иной
Туда я отправиться мог?

2016

* * *

Бывает Рембрандт угловат порой,
Затем, что он не гений, не герой,
А человек, застигнутый твореньем
Шестого дня. Седьмой не настает —
И липнет тьма, и жжется, словно йод,
Багрец, вотще ведущий тяжбу с тленьем...

2018

* * *

Привкус блаженства: кораблик, волна,
Парус в объятиях ветра..
В детстве шепталась со мной тишина
Ритма созвучием, метра.

И проблесковое счастье тех строк
Все еще тайно со мною;
Милый Сверчок, ты меня уберег
В этой, наполнив иною.

Где острота одиночества тех
Лет слепоты и укора? —
Свет, только свет золотой из прорех
Жизни, ветшающей скоро.

Ветром подхваченный парус, спеши!
Слух, обретай утоленье,
Опережая взросленье души,
Опережая взросленье!

2018

* * *

Весь не умер — живет в социальной сети:
Фотографии, смайлики, твиты...
Ты бессмертна, душа цифровая, — лети
Вместе с теми, кто не позабыты.

Восемь лет... Диалоги свои перечту
С ним, стихов драгоценные строки
Повторю, что все так же лелею мечту,
И все так же от счастья далеки.

Рядом с нами кочевья бесплотных теней
В необъятных полях интернета.
Что же с жизнью? — Что может тут сделаться с ней,
Окликающей нас с того света!

И, мерцая, экран зазывает в эфир,
И уже я не помню, с которой
Стороны настоящий, единственный мир,
С его тайной, с разлукою скорой.

2018

* * *

Не знаю, кажется, что долго
Не задержусь... Но это — так...
Пускай впадает в Каспий Волга,
И снова реет красный флаг!

Всех детский впечатлений меты —
Как тот, из старой сказки зонт.
И наши первые ракеты
Опять уйдут за горизонт.

Всё сны, и сказано, что снами
Незримо жизнь окружена.
Не я ли в детстве во Вьетнаме
Застал вот эти времена,

Которые теперь без цели
Бредут куда-то налегке?
И ангел у моей постели
С флажком и звездочкой в руке.

2018

* * *

Ненавижу детей орущих —
Этот наглый, надрывный звук.
Нами мир зарастает гуще,
Чем весенней травой луг.

А что это, мой милый, значит? —
Это значит: придет косарь.
Вот тогда-то дитя заплачет,
По щекам растирая гарь.

2018

* * *

Осенью сегодня задышало,
Дымкою восток заволокло.
Грусть-оса высовывает жало,
Сонно тычась в мокрое стекло.

Невозможно объяснить все это:
Жалость к дням, истаявшим как дым,
Отголосок чувства без ответа,
Радость быть свободным и пустым,

Слившись с неподвижным, охладелым
Светом из-за пелены дождя,
Ощущая до конца всем телом,
Как слабеешь, с летом уходя.

2018

* * *

Романино, Моретто и Лотто —
Ренессанса побег боковой —
Изымаются из оборота
И растут беспризорной травой

Возле клумбы, где розы Беллини,
Рафаэлевые стебли лилей...
Неразборчив и присно, и ныне
Экономной истории клей.

Но какая нам разница: годы
Наше тешат тщеславье, века?!
Безмянны красоты природы,
Бескорыстна на сердце тоска

По неведомой встрече, по чуду,
По тому, чего, в сущности, нет.
Что же, в путеводителе буду
Их искать ускользающий след?!

2018

* * *

Как странно: так цепко, упорно
Растут до конца и цветут...
Осенние звезды, что зерна,
По небу рассыпаны тут

В ночи, обжигающей тьмою
И холодом ран ножевых.
Все это сотрется зимою —
Усилия стольких живых!

Но лилии, сиясь раскрыться,
Свободны от знания вериг,
Им кажется: все еще длится
Один нескончаемый миг

Блаженного летнего рая,
Где нет бытия про запас,
Где даже сейчас, умирая,
Пытаются радовать глаз.

2018

В СЛОВЕНИИ

Здесь нет истории. Она куда-то делась,
Но позабытый ею человек
Живет, я бы сказал, в оцепененьи
Ухоженного быта, социальных
Гарантий, нескончаемой работы,
Потуг и пота тренажерных залов
Да выпивки с друзьями на викенд.
Конечно, если он вполне нормален...
Но, к сожаленью, та, кого не стало,
Нас учит, что нормальных-то и нет.
Как долго можно делать вид, что ты
Такой как все? Такой же! — я не знаю.

Здесь нет истории, зато царит природа,
Точнее экология: леса,
Холмы с травой подстриженной, газоны,
Ну да, еще, конечно, цветники,
И небо, небо, небо, небо, небо!
Пока гулял, я думал, что с лихвой
Мне этого густого неба хватит —
Местами полинялой синевы
Да облаков, пасущихся привольно
В вечерних остывающих лучах.
Так мне казалось. Так оно и было...

Что если не истории, а нас,
Нас, нас самих вот как-то так не стало?
И это утешительно... А ход
Больших часов, вбирающих события,
Уже других готовит нам на смену —
Нежданных и неведомых существ?

2018

* * *

Кресло, оставшееся без хозяина,
Словно потерявшаяся собака, отчаянно
Вслушивается в пустоту.
Нет никого. Пыль в просветах кружится
Штор. Где пропавшее обнаружится? —
Разве уже по ту

Сторону дня, ожиданий, помыслов.
Всех позовет нас с ристаний, промыслов,
Поприщ однажды Бог,
Всех — за собою. Куда — не сказано.
Ты ж, опустевшее, здесь обязано
Память хранить свой срок.

Память — потертости и отметины:
Эти — Марусины, эти — Петины,
Эти... — за столько лет!
Старое кресло кому достанется?
В небытие за вещами тянется
Неуловимый след.

2018

* * *

Я открыл окно и просунул в ночь
Свою голову — не спалось.
Вдалеке мерцали огни точь-в-точь
Словно звезды вверху, лилось

Отовсюду в сгустившейся темноте
Фонарей сиянье, светил.
Мы, наверное, только ночью те —
Те, к которым Он приходил.

Ибо только ночью нам видно, как
Этот мир обустроил Бог,
Протыкающий своим светом мрак,
Своим светом, что так далек.

Вот наш дом: не днем, а среди теней,
В бездне — там, где межзвездный газ.
А что жизнь моя, и что будет с ней —
Да не всё ли равно сейчас!

2018

* * *

Жить бы и жить бы, и жить бы, и жить,
Жить бы без страха, без бед,
Временной этой у той одолжить,
Вечной, хоть сколько-то лет.

Ей, нескончаемой, эти, поди,
Крохи не стоит жалеть.
О, не спеши! Все что там впереди,
К счастью, безвременно ведь.

День, просыпающийся поутру,
Окна, открытые в сад,
Кроны, полощущие на ветру
Липы, и тополь — их брат,

Розы бутоны раскроют вот-вот,
С грядки клубника сладка,
И распростертый над всем небосвод,
И по нему облака.

Все это временно? Господи, что ж
Вечность хранит за стеной?
Рай? — Только если на этот похож
Полдень и дождик гребной!

2018

* * *

И не бодрствуешь, и не спишь,
Слит со всеми — и отстранен.
Строки сами приходят, лишь
Ветер снова разбудит клен,

И в кипящей струясь листве,
Что-то тайное нашептать
Он торопится о родстве
С этим миром, тобою стать.

Эта влажная листьев дрожь,
Что-то важное о простом...
Ты себя вдруг осознаешь
Этим деревом, тем кустом.

Как мы знаем, что знать не нам,
Как мы чувствуем за других,
Различая по именам
Всех великих и малых сих,
Вместе слитые судьбы их?

2018

* * *

Крольчиха палец мне полижет,
Поднимет уши, глаз кося...
Чем дальше с возрастом, тем ближе
Жизнь — начиная с детства — вся.

И снова травки да цветочки,
Стрекозки узкое крыло...
Чтоб уходить по одиночке
Не так нам было тяжело.

Ведь жизнь — всего лишь детский праздник!
За ушком почесать слегка...
Чтоб дух суровый мой, отказник,
Оттаял из-за пустяка.

Затем, что сказано: лишь малых
Сих ждут, уткнувшихся ничком,
Сморенных играми, усталых,
С крольчихой, с мячиком, с сачком.

2018

* * *

Мадонна Симоне Мартини —
Из Съены постер привезен.
И я застрял на середине,
Нет — уж скорей, в конце времен.

Три зверя дантовых украдкой
Крадутся следом по пятам.
Что ж, поспешать с надеждой шаткой
К отверзтым адовым вратам?

Боюсь, что поздно. Опыт жуткий
Уже не для моих костей. —
В лугах эдемских незабудки
Других порадуют гостей,

Другим взойти к высотам Рая,
Через огнем кипящий лаз.
Вот и смотрю я, замирая,
На взгляд скольльзящий узких глаз,

На профиль нежный и суровый
Блаженной Девы неземной.
Молю: в той тайной жизни новой,
Точней не-жизни, будь со мной!

2018

* * *

Ты и останешься навсегда
В этом краю необъятных грез.
Жизни, стекающей как вода
С тела (казалось, в нее ты врос)

Больше не будет. Баюкать снам
Дух уязвленный, скорбящий дух.
Если сбывается — только там —
Всё, о чем не говорилось вслух.

Не о надежде я. Впереди
Нет ничего. Я о том, что здесь.
Вечность — вне времени. Так не жди!
Все, что случилось однажды, — ЕСТЬ,

Есть... А вопросы «когда» и «где»...
Кант априорные формы нам
Растолковал. Не мешай воде
Течь беспрерывно, смывая хлам.

2018100

* * *

Август, с кровью охладелой
Брат падучих звезд...
До любви мне больше дела
Нет: я пуст и прост,

И ценю лишь только эту
Выключенность из
Суеты, что всю планету
Взяла под акциз.

Все еще тепло, но ночи
Бархатней, жирней,
И прозрачнее, короче
Тени легких дней.

Лес и дол — в анабиозе,
Уходя в иной
Мир. За речкой на березе
Листья с желтизной.

А еще кроваво-красно
Солнце на заре.
Что теперь мне до соблазна
В той страстей игре!

Этой внутренней свободы
Годы не растрать!
Две заботы у природы:
Жить и умирать.

2018

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛОДОСТЬ	3
В метро	4
Весна в ЦПКО	6
Из цикла «По Волге».....	7
Казань	7
Куйбышев.....	7
Чебоксары	8
«Как дурная привычка...»	10
Утром. В ванной	11
Выздоровливая	12
На защите диссертации	13
«Под вечер кожа чувствует загар...»	14
«Воздуха свободный доступ...»	15
Знакомство с родственниками жены в Зеленокумске	16
«Орхидеи в прозрачных коробочках, те, что за три пятьдесят...».....	17
«Так у моря всегда заглянуть тебя тянет за край...»	18
Разговор с Сережей.....	19
Перед началом собрания	20
В отпуске.....	21
«Мне приятно, когда разлохмаченный жеваный край...»	22
«Интересно, что ему снится, укутанному, чуть живому...»	23
«К голосу родному льнул, ухом прижимался к трубке эбонитовой...»	24
Читаю внутреннюю рецензию Шефнера на свою книгу	25
«Слава богу, мал еще мой мальчик...»	26
«Белый-белый кролик, уши прижимающий от страха...»	27
Египетское	28

«Едешь в электричке — и к окну садиться страшно...»	30
Аэропорт.....	31
Советский памятник	32
Художник показывает свои картины	33
Памяти Л. Я. Гинзбург	35
40 дней.....	38
На теплоходе.....	40

ПОСЛЕ МОЛОДОСТИ	41
«Если в жизни ничего не происходит...»	42
«Где ты там вечером поздравим...».....	43
«Отпустить? — Хотя вот уже пять минут...»	44
«Или жизнью какой-то, еще чужой...»	45
«Ветер дышит, давит во всю на стекло...»	46
«Ожидание, ставшее как тягучий...».....	47
Из Шекспира.....	48
18 сонет	48
29 сонет	48
130 сонет.....	49
Дидона Энею.....	50
Отплытие Энея.....	52
«Самое-то обидное то, что всё-всё здесь есть...».....	53
«В слепом судеб пересеченьи...»	54
«Так с иглами в крови к концу пустого дня...»	55
Месяцеслов.....	56
Январь.....	56
Февраль.....	56
Март	57
Апрель.....	58
Май	59
Июнь.....	61
Июль.....	62
Август.....	62
Сентябрь.....	63
Октябрь	64

Ноябрь	65	«Что с собою поделать — не знаю! Как будто...»	97
Декабрь	65	«То, что уже нарушено, так и останется...»	98
«Я не был никогда так счастлив, как...»	66	«Вот — навалившаяся усталость все отменила...»	99
«Я о том, что в конечном итоге...»	67	«Жизнь — она совсем не то, чем кажется...»	100
«Что видеть сны, уснув! Я наяву...»	68	«Знаешь, сон твой, наклонившись над которым...»	101
«Как будто там уже, где то, что только ныне...»	69	«На самом деле правильнее б было...»	102
«Мы заменили веру упованьем...»	70	«Что этот человеческий рубеж...»	103
ЗРЕЛОСТЬ	71	«Опустошенность и усталость...»	104
«Вот когда по-настоящему...»	72	«Сбывшиеся желанья куда увлекают тебя...»	105
«Неважно, какие здесь будут звучать...»	73	«Что-то я нащупал непонятное такое...»	106
«За гранью граней всех, где все уже застыло...»	74	«Муза, ты ведь контрабандистка...»	107
«Ты знал, что так будет? Любовь, омертвев...»	75	Прелюдия (из Ф. Г. Лорки)	108
«Отметиться, жизни пропащей...»	76	«Всё сбывается, только — увы — ничего не значит...»	109
«Он такой огромный, корявый, в конец потерявший форму...»	77	Портрет	110
«У меня все равно нет другого...»	78	«И опять то же самое объясняя, — в который раз...»	111
«Видишь ли, страсть — это дело слишком...»	79	«Ну что еще? — Меня не любишь ты...»	112
«Болящее на каждом шагу, но пока...»	80	«Когда любовь, которая так долго изучала...»	113
Из Федерико Гарсия Лорки	81	Форум	114
«Вода, которая бежала...»	82	«Во всех тех странах, солнцем позлащенных...»	115
«Потом, она еще, как известно, точит...»	83	«В году недели три, а то и две недели...»	116
«И то, впрочем, правда, что, сколько ни трать...»	84	Сан-Пьетро	117
«А давай не бояться, тем более что остаются...»	85	Пиза	118
«Кабы любовь — другое дело...»	86	«Лишь перед подлинниками его работ...»	119
«Ближе — нельзя. Потому что иначе...»	87	«Наедине с природой мрачной...»	120
«Ну развлекись хоть чем-нибудь...»	88	«Живешь все время с чувством, что потом...»	121
«Все то, что здесь не свяжется никак...»	89	«Двухтысячный... И вряд ли заглянуть...»	122
«Этого долгого-долгого взгляда...»	90	«Мне сорок. Как случилось так...»	123
«Только писать. Графоманией пусть...»	91	Берег Атлантики под Нью-Хевеном	124
«Как если бы в землю сажая...»	92	«Все эти башни в огнях, стоэтажные...»	125
«При переводе с сербского на хорватский...»	93	«Мокрого снега и грязного льда...»	126
«С какой изнанкою скандальной...»	94	«Так — помню, лет в десять... отец, раскричавшись смотреть запретит...»	127
«Вот странно: я сразу понял — ты не приедешь...»	95	«По прихоти своей скитаться здесь и там...»	128
«Это весна, у которой — ни совести, ни стыда...»	96	«Уже и в запахе тревожит опьянение...»	129
		После Америки	130

«Ведь знал же, что только неделю в цвету...»	131
«Напряжение вечерами...».....	132
«Как странно, я ведь даже, даже как бы...»	133
«Если бы еще что-нибудь влекло...»	134
«Август, который уж год погодой...»	135
«До встречи в Париже!» — захлопнулись двери...»	136
«Сын вырос, а как-то почувствовать маленьким...».....	137
«Вот спала жара — и уже полегчало...».....	138
«Страсть потому слепа, что не видит дальше...»	139
«Знаю ведь, что не приедет, но повод...»	140
«Тесть приехал — и сразу на даче...».....	141
«Какое-то странное есть равнодушные...»	142
«Мы, жизнью застигнутые врасплох...».....	143
«Наверно, не надо жалеть ни о чем...»	144
«Тогда за день увидев главное...»	146
«Чтобы стихи писались, в общем-то, и не надо...»	147
«— И зачем, столько стихов, столько картин...»	148
«“Зимой обчистят опять, вероятно”...»	149
«Ощущенье мягкой южной пыли...».....	150
«Говорила Сапфо богиня, с высей...».....	151
«Начинать бесполезно, затем, что опять...»	152
«Служенье Муз не терпит суеты...».....	153
«Этот пасмурный полдень в Версале...»	154
«С восхищением тайным, Бибакул...»	155
«Что мы без почвы, без гумуса вязкого...»	156
«Погоди — и об этих с тобой затоскуем...».....	157
«Мне надоело чувствовать себя...».....	158
«Потом окажется, что это-то и было...».....	159
«Весь день за компьютером проторчав...»	160
«Ты и пишешь-то ради того, чтобы чем-то занять...».....	161
«Да, конечно, не все за деньги можно... Я знаю, не все продается...»	162
«Всем тем теньям, которые живут...».....	163
«Тех вокзальных прощаний, ступеней теней...»	164
Послание, запрещающее печаль	165

«С жизнью в ее избыточном безобразии...»	166
«Все забывается сразу, стирается прежде...»	167
«Ну да, я знаю: здесь — пожива зрению...»	168
Дождь в Праге	169
«Как жаль, что ты не можешь сразу...»	170
«Больше всего не люблю свадеб и похорон...»	171
«Когда и в Кракове, и в Праге...»	172
«Мы не попали к “Даме с горностаем”...»	173
«В этих толпах... А звезд только в Млечном пути...»	174
«Докучная любовь чужая...»	175
«Мне трудно стало правду говорить...»	176
«Как странно, тело все грузней...».....	177
«Господи, как хорошо-то...»	178
«Как пленочка жизни на самом-то деле тонка...».....	179
«Стоят подсолнухи, головки наклонив...».....	180
«Утро! Опять вдалеке лают собаки...».....	181
«До какой-то степени, думаю, и сейчас...»	182
Перед окончанием отпуска	183
«В эту комнату, помнишь, как в первый раз...»	184
«Как всегда, заранее собрались...».....	185
«Страх перед тем, что писать не можешь...».....	186
«Гриву свою осеннюю, рыжую, львиную...».....	187
«Вот не пишется, слово лишь давит, но не выговаривается...»	188
«Ну что же, пусть... Пусть долгий путь назад...»	189
«Почему-то с рифмы мысль торопится...»	190
«С возрастом легче молчать, чем пытаться...»	191
«Пока мои глаза погружены в мерцанье...»	192
«Дождь с утра: ни верха нет, ни низа...»	193
«Мы живем на даче не то что без...»	194
«Клумба, словно гобелен...»	195
«Приземистые церкви Пскова...».....	196
«А лето снова обмануло...»	197
«Как символ вырвавшейся, дикой...».....	198
«Не надо бояться, тебе говорю...»	199

«Вот и осень наступила...».....	200	«Жизнь, по крайней мере до сорока...».....	236
«Как быстро силы выпивает...»	201	«Как я люблю оставаться дома...»	237
«Рубашку сняв одним движеньем...»	202	«“Фарфоровая” церковь в Висе...»	238
«Компьютер спит. Зеленым глазом...»	203	«На вазе греческой Алкея...».....	239
«Дом старый шорохами полон...»	204	«Промелькнули года, промелькнули...»	240
«К вечеру все прояснено...»	205	«Странно, не правда ль, подобно Богу...»	241
«Как рыба-луна, ночное светило...»	206	«День так быстро сползает с двенадцати к трем, к четырем...».....	242
«Уж скоро Диоклетиана...»	207	«Тянуло его не к Берготу...».....	243
«Ах, не было ни пастухов, ни волхвов...»	208	«В Кордове вид у Гвадалквивира...»	244
«Скарификатора комариный...»	210	Саграда Фамилья.....	245
Пресс-конференция.....	211	«В Барселоне жизни слишком много...»	246
Поэзия	212	«Жуткое дело: мерзнуть на даче...»	247
«Последний город наш — Варшава...».....	213	Дюрер. «Адам и Ева»	248
«Зачем искать слова, зачем восьмые доли...».....	214	«Все выражает слово, поскольку Бог...»	249
«Любовь, оставшись без предмета...».....	215	«Все, что помнишь — то и твое, тем и жить в раю...».....	250
«Этой легкой жизни не будет скоро...»	216	«Ну вот он и пришел, последний...».....	251
«Не важно, что нет у тебя...».....	217	«— Да что ты?!».....	252
Флейта в метро.....	218	«Гуляли, спорили, смотрели...».....	253
«Схожу с ума, впадаю рано...»	219	«За вычетом жизни духовной...»	254
«Как раковина, чей забит песком...»	220	«Да нет, какой там памятник надгробный...».....	256
«О, боже мой, как свеж вечерним светом...»	221	«Внутри деревянного дома...»	257
«Как тяготит, что день, а, может, два...».....	222	«Больше всего, как мне помнится, бабочек и цветы...».....	258
«Все, что не сбудется никогда...»	223	«Ничего не сбылось...»	259
«Ученики у нас вольные...»	224	Из Шекспира.....	260
«Красим дом, но ему уже восемьдесят...»	225	5 сонет.....	260
«Диск тяжелый закатного солнца...».....	226	11 сонет.....	260
ПОСЛЕ ЗРЕЛОСТИ	227	44 сонет.....	261
«Что упрекать в предательстве? — Не сами ль...»	228	65 сонет.....	261
«Над каналами черными вьюга...».....	229	«Из всего, что написано, может быть, несколько строк...»	263
«Бамберга холмы...»	230	«Ни то, что Он на третий день воскрес...»	264
«В юности все <i>проходило</i> , теперь <i>отпускает</i> ...».....	232	«Богом нам заготовлены все места...»	265
«Доставая новый мобильник, вдруг вспомню, как...».....	233	«Кубиком сахара тает в стакане...».....	266
«И в двадцать пять я знал и понимал...»	234	«Даже смерти близких не бояться...».....	267
«Улыбается Ангел — такой губошлеп...»	235	«Да что уж — все равно от лета не осталось...»	268

«Август. В алом зареве заката...».....	269
«Я забыл свой прежний сгоревший дом...»	270
«Эта внешняя жизнь, словно яблоко сгнила...»	271
«И язык изменился, и ощущение...»	272
«Когда-то, давным-давно, покупая книги...»	273
Понтормо. «Встреча Марии и Елизаветы»	274
«Что бояться? Бог распорядится тобой...»	275
«Как наполнена юность сама собой...».....	276
«Зазевавшись, душа поверила...»	277
«Как же вдруг запутывается моток...».....	278
«Уже не хватает лета...»	279
«Сколько уже написано! Мною, или не мной...»	280
«А стихи, если нечего Богу сказать...»	281
«В ненастные глухие дни...»	282
«Увидеть все то, что увидеть нельзя...»	283
«Бывает Рембрандт угловат порой...».....	284
«Привкус блаженства: кораблик, волна...».....	285
«Весь не умер — живет в социальной сети...».....	286
«Не знаю, кажется, что долго...»	287
«Ненавижу детей орущих...».....	288
«Осенью сегодня задышало...»	289
«Романино, Моретто и Лотто...»	290
«Как странно: так цепко, упорно...».....	291
В Словении.....	292
«Кресло, оставшееся без хозяина...»	294
«Я открыл окно и просунул в ночь...».....	295
«Жить бы и жить бы, и жить бы, и жить...»	296
«И не бодрствуешь, и не спишь...»	297
«Крольчиха палец мне полижет...».....	298
«Мадонна Симоне Мартини...»	299
«Ты и останешься навсегда...»	300
«Август, с кровью охладелой...»	301

Алексей Геннадьевич Машевский

ВСПОМИНАЯ НАСТОЯЩЕЕ

Корректор *А. О. Поликарпова*

Подписано в печать 31.01.2020. Формат 70 × 108^{1/32}.

Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.

Объем 9,75 п. л. Тираж 400 экз.

Заказ № 7

Оригинал-макет изготовлен в ООО «ИПК «КОСТА»

СПб., Новочеркасский пр., д. 58, офис 413,

тел.: (812) 445-10-02

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «БИОНТ»

199026, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 86

ISBN 978-5-91258-441-1

9 785912 158441

